

19128 CIV 1/35

Андрей Николаевичъ
Муравьевъ.

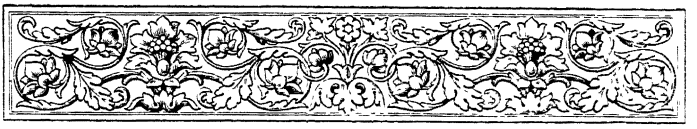
МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Москва—1913.

„Пров 38“

256
32

Въ распоряженіе Кружка почитателей Андрея Николаевича Муравьева (р. 1805, † 1874 г.) были предоставлены въ 1911 г. племянникомъ сего приснопамятнаго Церковнаго дѣятеля, Андреемъ Владиміровичемъ Муравьевымъ автобіографическія записки Андрея Николаевича, названныя имъ «Мои воспоминанія», доселѣ еще неизданныя. Воспоминанія эти, писанныя на 56 большихъ листахъ синей бумаги съ клеймомъ «А. Гончаровъ 1856», писарскимъ почеркомъ, исправлены карандашемъ рукою Андрея Николаевича. Съ дополненіемъ поясннтельныхъ примѣчаній нынѣ они издаются по постановленію Кружка въ память Андрея Николаевича Муравьева, отъ 16 декабря 1911 г.

Мои воспоминанія.

13 Іюля 1857 г.
Останкино

Нѣсколько уже разъ, многоуважаемый отецъ Леонидъ[1], вы изъявляли мнѣ удивленіе о странности моего положенія въ свѣтѣ, между мірскимъ и духовнымъ, и это казалось для васъ непонятнымъ. Вчера опять, возвратившись къ тому же предмету, вы настаивали, чтобы я изложилъ вамъ письменно, для памяти на будущее время, какимъ образомъ состоялось мое положеніе, столь необычайное. Признаюсь, не разъ и мнѣ самому приходило это на мысль, чтобы тѣмъ оправдаться въ

[1] Леонидъ (Краснопѣвковъ), Архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря, будущій Викарій Митрополита Филарета и Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, † въ 1876 году.

нареканіи ханжества или фанатизма, такъ какъ многіе подозрѣваютъ меня, что мнимое усердіе къ вѣрѣ служитъ для меня только средствомъ къ достиженію честолюбивыхъ видовъ. Мнѣ кажется, однако, что я никогда бы не взялся за перо, еслибы не убѣдили меня настоятельныя просьбы ваши; часто случается, что, начиная писать апологію, непримѣтно пишешь себѣ панегирикъ, ибо излагаешь то, что только можетъ служить къ оправданію, оставляя въ сторонѣ неблагопріятное, слабости и пороки, однимъ словомъ всю мрачную сторону картины. Опасно быть собственнымъ живописцемъ и судьею, и посторонній человѣкъ всегда лучше можетъ описать своего ближняго, если только перомъ его будетъ руководить чувство христіанской любви.

Самые первые годы молодости, до Турецкаго похода[2], были уже мною описаны въ свое время и хранятся въ маленькой книжицѣ между моими рукописями. Тамъ изложено, какимъ образомъ во мнѣ родилась страсть къ словесности вообще и особенно къ поэзіи, вопреки математическому и военному направленію,

---

[2] 1828 года.

которое мнѣ хотѣлъ дать мой родитель, и какіе были плоды первыхъ моихъ юношескихъ восторговъ. Съ тѣхъ поръ протекло 30 лѣтъ; послѣ столь большого промежутка времени любопытно, можетъ быть, и для самого себя прослѣдить въ отдаленности минувшаго, какимъ образомъ поэтическая наклонность сперва уступила прозѣ, а потомъ обратилась на духовное поприще, избравъ предпочтительно себѣ цѣлью церковные предметы. Такое передвиженіе мыслей и чувствъ можетъ имѣть свою занимательность для наблюдающаго за постепеннымъ развитіемъ человѣческаго сердца. Скажу и то, что побуждало меня въ различныя времена избрать тотъ или другой предметъ для моихъ сочиненій. Одно лишь скажу теперь, чего я не могъ своевременно замѣтить, что все сіе совершалось весьма естественно, само собою, безъ всякаго съ моей стороны напряженія и почти безотчетно.

Начну опять съ той минуты, когда въ лагерѣ подъ Адріанополемъ я рѣшился ѣхать во Святую Землю, ибо эта минута была самая рѣшительная въ моей жизни; въ то мгновеніе не разсуждалъ я ни о чемъ, и какъ бы внезапно посвятилъ себя и данный мнѣ та-

лантъ священной цѣли сего странствія, безъ всякаго мудрованія или какихъ-либо видовъ. Щедрою рукою вознаградилъ меня Господь, ибо все, что я ни пріобрѣлъ въ послѣдствіи, какъ въ духовномъ, такъ и въ вещественномъ, истекло для меня единственно изъ Іерусалима, и надо мною оправдались слова Евангельскія: «всякъ, иже оставитъ домъ или братію (и прочая), имене Моего ради, сторицею пріиметъ» (Матѳ. 19). Это была минута, едва ли не лучшая въ моей жизни, за которую дѣйствительно сторицею получилъ я воздаяніе. Единаго желалъ бы еще, чтобы исполнилось для меня и послѣдующее обѣтованіе Господне: «и животъ вѣчный наслѣдитъ». Но сіе послѣднее надобно заслужить цѣлою жизнію, и страшно, подвигаясь въ годы, видѣть, что скользишь назадъ, вмѣсто того, чтобы, не озираясь, направлять себя въ Царствіе Божіе.

Кто читалъ мое первое путешествіе, могъ довольно видѣть, какъ все мнѣ благопріятствовало; промыслъ Божій будто велъ меня за руку. Не имѣя средствъ къ трудному странствію, я нечаянно ихъ нашелъ и съ тѣмъ вмѣстѣ добрыхъ спутниковъ, тамъ, гдѣ ихъ не ожидалъ, какъ напримѣръ въ Египтѣ, куда

привезъ меня Консулъ Тосканскій на своемъ суднѣ, и цѣлый мѣсяцъ угощалъ у себя въ Александріи и Каирѣ. Въ Іерусалимѣ приняли меня, какъ вѣстника мира, ибо я первый изъ Русскихъ явился туда послѣ войны, и едва вѣрили своему счастію утѣшенные христіане. Бурей, но безвредно, принесло меня въ Кипръ, на Арабской ладьѣ; изъ Кипра же на кораблѣ бывшихъ Греческихъ пиратовъ, чего я самъ не зналъ, доплылъ и до береговъ Анатоліи, и дивился, что насъ избѣгаютъ малыя суда на Архипелагѣ, но капитанъ служилъ мнѣ вѣрой и правдой.

Въ Анатоліи, только наканунѣ моего пріѣзда, переловили страшную шайку разбойниковъ, которая во все время войны тамъ свирѣпствовала, такъ что всѣ окрестные жители заключались въ города; мнѣ же открылся свободный путь въ Смирну и далѣе въ Царьградъ. Въ Смирнѣ испыталъ я сильный припадокъ холеры, еще тогда невѣдомой въ Европѣ, но которая явилась къ намъ въ томъ же году; и что же?—не постигая самъ своей болѣзни, я исцѣлился тѣми средствами, которыя бы могъ предписать только опытный врачъ: сперва усиленнымъ движеніемъ, вер-

хомъ и пѣшкомъ, такъ какъ это случилось дорогою, а потомъ теплыми припарками и сильною испариною. Изъ Царьграда, настигнутый ужасною бурею, два дня я носился по Черному морю, почти безнадежно, и хотя разбились многія суда, мы благополучно достигли до Одессы.

Тамъ, наконецъ, когда я вышелъ изъ карантина съ однимъ лишь червонцемъ, первая моя встрѣча была съ родственникомъ, который довезъ меня до Тульчина и далъ средства доѣхать до Москвы. (Наканунѣ Ильина дня, ступилъ я въ Одессѣ на родную землю, и съ радостью услышалъ всенощную службу на родномъ языкѣ; отъ того чествую всегда день сей перваго моего возвращенія изъ Іерусалима, равно какъ и день Благовѣщенія, когда впервые поклонился я гробу Господню, къ этому же великому празднику возвратился я изъ вторичнаго моего странствія). Друзья мои и товарищи двухъ-лѣтняго похода, отпускавшіе меня какъ-бы на смерть изъ Адріанополя, и которымъ я завидовалъ по малодушію, потому что они возвращались на родину, когда мнѣ предстоялъ дальній путь, въ то время опасный, зимою безъ пароходовъ и въ чум-

ныхъ мѣстахъ, еще не возвратились; они только переходили черезъ Молдавскую границу, послѣ труднаго зимняго похода, а я уже былъ въ Одессѣ, совершивъ утѣшительное странствіе, и прежде ихъ достигъ родины. Такимъ образомъ Господь благословилъ входы мои и исходы, и видимо меня осѣнила рука Господня. О, если-бы всегда я былъ достоинъ Его милости!

Никто не ожидалъ меня въ Москвѣ, потому что слухъ пронесся о моей смерти. Помню, что, когда пришелъ я навѣстить духовника моего на Покровкѣ (при церкви Воскресенія въ Барашахъ), услышалъ я изъ сѣней разговоръ его съ однимъ пріѣзжимъ изъ Иркутска, отъ старшаго брата моего[3], который желалъ обо мнѣ имѣть извѣстіе. Добрый старецъ говорилъ: «Богу одному извѣстно, гдѣ теперь находится А... Н..., а у насъ пронеслись непріятные слухи, будто его нѣтъ въ живыхъ». Въ эту минуту я отворилъ дверь; оба они вспрыгнули съ своихъ мѣстъ и едва опомнились, думая, что

---

[3] Александръ Николаевичъ Муравьевъ, бывшій Декабристъ, позднѣе Нижегородскій Губернаторъ, женатъ на кн. Шаховской, † 1863 г.

предъ ними привидѣніе. Батюшка[4] былъ огорченъ тою же вѣстію, и обрадовался мнѣ, какъ воскресшему.—Въ деревнѣ[5] засталъ я брата Николая[6], недавно пріѣхавшаго изъ Грузіи, послѣ десяти-лѣтней разлуки, въ ту минуту, какъ онъ отправлялся въ Петербургъ, и радостно было наше свиданіе. Такъ мнѣ все удавалось.

Въ деревнѣ я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы заняться описаніемъ моего путешествія. Главныя черты его, особенно поэтическія, впечатлѣнія духовныя и живописная мѣстность, были записаны на самыхъ мѣстахъ, но свѣдѣнія историческія заимствовалъ я изъ богатой библіотеки батюшки. Тутъ почувствовалъ я впервые необходимость изучить церковную исторію, потому что мнѣ до этого была извѣстна только священная и святыхъ, и я рѣшился прочесть всю пространную исторію аббата Флери; многочисленныя выписки его изъ святыхъ отцовъ заставили

---

[4] Николай Николаевичъ Муравьевъ, основатель Училища Колонновожатыхъ въ своей подмосковной Можайскаго уѣзда, въ селѣ Осташевѣ, математикъ и отецъ даровитыхъ сыновей.

[5] т. е. въ Осташевѣ.

[6] Николай Николаевичъ Муравьевъ «Карскій», авторъ драгоцѣнныхъ записокъ. Скончался въ 1866 г.

меня обратиться къ ихъ твореніямъ: я пріобрѣлъ въ послѣдствіи такъ-называемую Библіотеку святыхъ отцовъ, или лучшія изъ нихъ извлеченія, на французскомъ, въ 36 частяхъ, и еще житія пустынныхъ отцовъ Востока. Это совершенно ознакомило меня съ духомъ и дѣяніями святителей его и отшельниковъ. Такимъ образомъ, Іерусалиму я былъ обязанъ первыми моими свѣдѣніями о исторіи Вселенской Церкви и ученіи св. отцовъ, и это былъ первый мой шагъ на поприщѣ духовномъ.

Такъ протекла осень; въ Ноябрѣ надобно было ѣхать въ Петербургъ; мнѣ это было страшно, потому что съ самаго дѣтства оставилъ я Сѣверную столицу и всѣ лучшіе годы мои протекли въ Москвѣ или въ Южной Россіи. Свыше всего я любилъ природу, какъ и теперь, и мнѣ казалось страннымъ привыкать къ новому образу жизни столичной и къ суровому климату, послѣ привольной жизни на Югѣ и двухъ-лѣтняго похода, который заключился для меня поэтическимъ путешествіемъ. Самыя обстоятельства соединились какъ-бы нарочно, чтобы въ мрачномъ видѣ представить мнѣ нежеланный путь. Время было зимнее и повсюду свирѣпствовала

холера, между Москвою и Петербургомъ было нѣсколько карантиновъ. Братъ мой, съ которымъ я ѣхалъ, только что овдовѣлъ и, убитый горемъ, возвращался въ Петербургъ: нерадостно было такое путешествіе!

Въ Петербургѣ ожидало меня гостепріимство въ радушномъ домѣ Мальцовыхъ, которые съ дѣтства меня знали въ Москвѣ, но и у нихъ нашелъ я горе; я пріѣхалъ къ нимъ наканунѣ шестинедѣльнаго поминовенія старшаго любимаго ихъ сына, и первый мой выѣздъ былъ для панихиды въ Невскую Лавру: тутъ впервые увидѣлъ я митрополита Серафима и добродушнаго намѣстника Лавры Архимандрита Палладія, который сдѣлался въ послѣдствіи моимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, первая стихія, въ новой для меня жизни столичной, была церковная, а первымъ впечатлѣніемъ—горе: это не располагало къ разсѣянности свѣтской.

Дорогою въ Новгородѣ былъ я въ Юрьевской обители у Архимандрита Фотія[7]; я имѣлъ къ нему письмо отъ нашей сосѣдки по деревнѣ, Княгини Мещерской, которая въ

---

[7] † 26 февраля 1838 г.

свое время играла большую роль въ Петербургѣ, по дружбѣ къ ней Императора Александра, и была въ сношеніи съ высшими духовными лицами того времени. Она не любила Фотія, но Фотій уважалъ ее. Пріемъ его однако показался мнѣ страннымъ; вышелъ онъ въ бѣломъ подрясникѣ, въ черной шелковой мантіи, застегнутой золотою цѣпью, и, пристально на меня взглянувъ, спросилъ: «какъ ты спасаешься и дѣвствуешь ли?» Я отвѣчалъ: «какъ Богъ помогаетъ». Вѣроятно, ему понравился отвѣтъ мой, потому что онъ весьма ласково началъ со мной обращаться; много распрашивалъ о Іерусалимѣ и спросилъ, знаю ли я «Анну»? Въ свою очередь и я спросилъ Архимандрита: «кто сія Анна?» Изумился Фотій: «какъ, и ты не знаешь Графини Орловой-Чесменской?[8]—сказалъ онъ,—хочешь ли, я тебѣ дамъ къ ней письмо?» Но я отказался отъ письма, потому что Княгиня Мещерская предупредила меня не слишкомъ ввѣряться

---

[8] Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, о которой много неизданныхъ свѣдѣній имѣется въ архивѣ Н. С. Мальцова, племянника князя С Н. Урусова. Она неоднократно поддерживала Андрея Николаевича въ изданіи его сочиненій (Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 97). Скончалась 5 октября 1848 г.

Фотію, который сейчасъ захочетъ быть моимъ руководителемъ. Это еще болѣе его удивило, потому что всѣ искали знакомства съ Графиней черезъ него. «Ты непремѣнно долженъ познакомиться съ нею, и я напишу о тебѣ Аннѣ», повторилъ онъ. Отпуская меня съ благословеніемъ, Архимандритъ велѣлъ показать мнѣ всю святыню Софійскаго собора, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе.

Въ первую субботу послѣ моего пріѣзда, почтенный старецъ И. А. Мальцовъ[9] повезъ меня ко всенощной въ Лавру, въ домовую церковь митрополита, и послѣ службы мы къ нему взошли въ келлію; тамъ я увидѣлъ блистательную свѣтскую даму, въ которой никакъ, не знаю почему, не могъ угадать Графиню Орлову; предполагалъ встрѣтить въ ней что-либо похожее на Московскихъ богомолокъ; и узналъ ее только тогда, когда начала

[9] Иванъ Акимовичъ Мальцовъ, глава даровитой семьи Мальцовыхъ. Личность замѣчательная, бытовая Женатъ былъ на женѣ Василія Львовича Пушкина Капитолинѣ Михайловнѣ, скончался въ 1853 году, на другой день по кончинѣ Князя П. А. Шихматова. Среди бумагъ А. Н. Муравьева сохранилось Слово о почившемъ И. А Мальцовѣ; здѣсь къ И. А. примѣнено изреченіе Евангельское: «се воистинну Израильтянинъ, въ немже льсти нѣсть» (Іоан. I, 47).

она спрашивать меня о Архимандритѣ Фотіи; Графиня привѣтливо пригласила меня къ себѣ, говоря: «батюшка приказалъ мнѣ прислать вамъ винограда и четьи-минеи, потому что вамъ нужны житія святыхъ». Дѣйствительно я спрашивалъ его въ Новгородѣ о нѣкоторыхъ святыхъ; и на другой день ко мнѣ явился человѣкъ отъ Графини съ виноградомъ и книгами. Такъ нечаянно познакомился я съ этою ревностною христіанкой, которая много поддержала меня на поприщѣ церковномъ.

Самый домъ Мальцовыхъ, при ихъ природномъ благочестіи и семейной скорби, былъ созданъ для того, чтобы располагать къ молитвѣ и церковному образу жизни. Часто посѣщали его духовныя лица, и старецъ самъ часто навѣщалъ ихъ, особенно Митрополита. Не пропускалъ онъ ни одной всенощной и приглашалъ меня съ собою, но никогда не настаивалъ; такъ мало-по-малу привыкалъ я къ церковной службѣ, которая до того времени мало была мнѣ извѣстна. Непримѣтно взошло въ обычай посѣщать всякую субботу Митрополита и быть у всенощной, и съ тѣхъ поръ никогда я не оставлялъ сего добраго обычая.

Въ домѣ Мальцовыхъ соблюдались всѣ посты, но было и скоромное; я колебался между тѣмъ и другимъ, потому что съ дѣтства не привыкъ къ постному и только на пути въ Іерусалимъ соблюлъ впервые весь великій постъ: однако мало-по-малу началъ я привыкать къ постной пищѣ въ домѣ Мальцовыхъ, у Графини Орловой и у тетушки Е. Ѳ. Муравьевой, хотя въ другихъ мѣстахъ позволялъ себѣ скоромное и въ посты.

Домъ тетушки, неутѣшной о своихъ сосланныхъ сыновьяхъ, которая бѣжала изъ Москвы отъ холеры съ малолѣтными внучками, служилъ мнѣ также училищемъ благочестія по ея пламенному усердію къ церкви. Она познакомила меня съ нашею родственницею, Графинею Канкриной, урожденною Муравьевой, которой братъ встрѣтилъ меня въ Одессѣ и былъ со мною друженъ въ походѣ Турецкомъ, потому что я ходилъ за нимъ во время его болѣзни подъ Шумлою. Къ ней, какъ супругѣ Министра Финансовъ, съѣзжались всѣ власти, и она старалась познакомить меня съ ними, гордясь тѣмъ, что ея родственникъ былъ въ Іерусалимѣ. Тогда это была вещь необычайная, потому что никто еще изъ хоро-

шихъ фамилій не странствовалъ въ Святую Землю. Всѣ смотрѣли на меня съ участіемъ и удивлялись, какъ я въ молодые годы могъ рѣшиться на этотъ подвигъ.

Хотя и смущали меня похвалы, лестныя для молодаго человѣка, однако онѣ имѣли и свою пользу, потому что мнѣ совѣстно было какъ поклоннику св. мѣстъ слишкомъ предаваться свѣтскимъ удовольствіямъ; къ тому же удерживалъ меня и благочестивый домъ Мальцовыхъ, гдѣ я могъ слышать только одно назидательное, и доброму старцу И. А., можно сказать, обязанъ я первоначальнымъ моимъ руководствомъ. Между тѣмъ Графиня, честолюбивая для своихъ родственниковъ, настаивала, чтобы я вступилъ въ дѣйствительную службу, а не числился только по Министерству Иностранныхъ дѣлъ. Желая ей угодить, Директоръ Азіятскаго Департамента Родофиникинъ[10] предложилъ мнѣ у себя мѣсто начальника Турецкаго стола, и сколько я ни отрекался по своей неопытности, онъ сдѣлалъ меня столоначальникомъ; слишкомъ два года зани-

[10] Родофиникинъ Константинъ Константиновичъ, Директоръ Азіатскаго Департамента съ 19 апрѣля 1819 г. по 11 мая 1837 г.

малъ я эту должность, и надобно сказать правду, едва-ли можно было хуже найти чиновника, по моему отвращенію къ бюрократіи. Однако это послужило мнѣ ступенью для будущей службы. Такимъ образомъ я опять обязанъ былъ Іерусалиму даже и гражданскими моими успѣхами.

Меня особенно занимало тогда описаніе моего путешествія, которому я посвятилъ всѣ мои досуги и нравственныя силы. Много уже было написано, но такъ какъ я однажды имѣлъ литературную неудачу, въ 1826 году, при изданіи моихъ стихотвореній (Таврида), то мнѣ хотѣлось себя испытать, прежде нежели опять явиться на свѣтъ; я искалъ знакомства съ Жуковскимъ черезъ тетушку, у которой иногда еще собирались остатки Карамзинскаго круга. Знаменитый поэтъ не чуждался юнаго писателя, но съ участіемъ добраго своего сердца сдѣлалъ мнѣ искренныя замѣчанія касательно слога, и ободрилъ писать. Оставалась еще одна трудная задача: въ путешествіи моемъ была не одна лишь литературная сторона, но и церковная, которая не могла быть извѣстна поэту, и я не зналъ, къ кому обратиться.

Тогда пришло мнѣ на мысль просить знакомую мнѣ съ самаго дѣтства К. В. Новосильцеву[11], чтобы она представила меня Митрополиту Московскому, и убѣдила его заняться разсмотрѣніемъ моей рукописи. Владыка согласился принять меня, но отказывался отъ рукописи, говоря, что онъ довольно испыталъ затрудненій отъ самолюбія авторскаго, при разборѣ книги Г. Стурдзы[12]. Итакъ, вотъ начало моего знакомства съ знаменитымъ Архипастыремъ, которое имѣло такое вліяніе на все мое литературное поприще, ибо отъ него заимствовалъ я тѣ церковныя познанія, которыя нигдѣ иначе не могъ бы пріобрѣсти. Какъ сравнить съ какимъ-либо класснымъ преподаваніемъ то глубокое ученіе, вмѣстѣ богословское и церковное, которое почерпалъ я прямо изъ источника, можно сказать изъ самаго родника нашего богословія, и это— изъ устъ въ уста, въ живыхъ вопросахъ и отвѣтахъ съ совершенною свободою духа, въ про-

[11] Екатерина Владиміровна Новосильцева, урожденная Графиня Орлова, была очень предана Митрополиту Филарету. Она нашла въ немъ спасительное утѣшеніе, когда лишилась единственнаго сына, въ цвѣтѣ лѣтъ убитаго на дуэли. Съ тѣхъ поръ весь остатокъ своей жизни она посвятила на благотворенія. Скончалась въ Москвѣ, гдѣ постоянно жила, въ 1849 г.

[12] Александръ Скарлатовичъ Стурдза (1791—1854 г.).

долженіе нѣсколькихъ часовъ назидательной бесѣды, и почти ежедневно въ теченіе многихъ лѣтъ, ибо вотъ уже 26 лѣтъ, какъ я неизмѣнно пользуюсь милостивымъ расположеніемъ Владыки; и даже осмѣливаюсь, если только это не слишкомъ самонадѣянно, назвать себя его ученикомъ! Этимъ также обязанъ я Іерусалиму, а въ этомъ вся моя жизнь. Хотя и строги были замѣчанія Владыки на поляхъ моей рукописи, а иногда вымарывалъ онъ и цѣлыя страницы, однако я нисколько этимъ не смущался, и тѣмъ охотнѣе исправлялъ онъ трудъ мой. Это послужило не только къ усовершенствованію рукописи, но ко взаимному сближенію, потому что совершенная искренность положена была въ основаніе нашему знакомству, и въ послѣдствіи, когда я уже служилъ при Святѣйшемъ Синодѣ, доброе сіе начало пріучило меня быть всегда искреннимъ въ отношеніи къ Владыкѣ, который съ своей стороны вѣрилъ моей откровенности.

Въ началѣ весны оставилъ я домъ Мальцовыхъ, а сами они уѣхали въ Москву. Переселился я къ сыновьямъ Фельдмаршала Витгенштейна, съ которыми былъ близокъ въ

Тульчинѣ, въ главной квартирѣ отца ихъ, при началѣ моей службы, потому что супруга Фельдмаршала любила меня, какъ сына, и часто я живалъ въ ихъ прекрасномъ помѣстьѣ Каменкѣ, на живописныхъ берегахъ Днѣстра. Здѣсь еще болѣе окружило меня военное общество, такъ какъ многіе изъ моихъ пріятелей Турецкаго похода перешли въ Гвардейскіе полки, а съ Кавалергардами особенно сблизило меня то, что въ нихъ служилъ сынъ Мальцовыхъ[13]; я и самъ, по военному началу моей службы и по откровенности моего характера, гораздо болѣе любилъ обращаться съ военными, нежели съ молодежью большаго свѣта; съ теченіемъ лѣтъ постоянно обновлялось это военное общество. Если часто протекали часы въ праздной бесѣдѣ, то бывала иногда и польза. Помню однажды, при наступленіи Успенскаго поста, Гусарскій офицеръ Шевичъ[14] спросилъ меня, какъ я буду поститься?— «Развѣ ты будешь соблюдать постъ?» сказалъ я; и услышалъ положительное: «буду». Меня это поразило, и я подумалъ самъ въ себѣ:

[13] Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ, женатый на Княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ Урусовой, извѣстный хозяинъ.

[14] Женатый на дочери Гр. Дм. Ник. Блудова, Гр. Лидіи Дмитріевнѣ.

«вотъ человѣкъ, однихъ со мною лѣтъ и еще военный, уважаетъ постъ Богородичный, а я, бывшій въ Геѳсиманіи на Ея гробѣ, хотѣлъ ѣсть скоромное!» Въ ту же минуту рѣшился я всегда соблюдать этотъ постъ и благодарилъ Шевича за его доброе напоминовеніе.

Лѣто 1831 года было ужасное: Польская война, холера, карантины, волненіе въ столицѣ, нестерпимый жаръ отъ горящихъ вокругъ лѣсовъ и общее уныніе. Не было мнѣ утѣшенія въ окрестностяхъ, послѣ тѣхъ чудныхъ мѣстъ, которыя я видѣлъ на Востокѣ. Тѣмъ съ большимъ успѣхомъ продолжалъ я писать свое путешествіе и до осени приготовилъ его къ изданію. Когда же напечаталъ, я такъ испугался появленія въ свѣтъ моего перваго творенія, что не поставилъ даже имени на книгѣ, и весной просился въ отпускъ къ батюшкѣ въ деревню.—Случилось совершенно противное, нежели то, что я ожидалъ. Ни одна изъ моихъ книгъ не имѣла столь блистательнаго успѣха, и чрезъ полгода не оставалось уже ни одного экземпляра. Меня начали сравнивать съ Шатобріаномъ, и такъ какъ не было имени на книгѣ,

то мнѣ усвоилось названіе «Автора Путешествія по святымъ мѣстамъ», которое сохранилъ я и для прочихъ моихъ книгъ; довольный успѣхомъ первой, я уже нигдѣ не хотѣлъ ставить своего имени, чтобы не испортить благопріятнаго впечатлѣнія. Жуковскій и Пушкинъ наиболѣе хвалили мою книгу: первый—потому что принималъ во мнѣ участіе, послѣдній же—отъ того, что чувствовалъ себя виноватымъ за эпиграмму, написанную противъ меня еще въ 1826 году[15]. Зимою нечаянно встрѣтилъ я его въ Архивѣ Министерства, и не узналъ, но онъ первый ко мнѣ устремился и сказалъ: «До сихъ поръ не могу простить себѣ глупой моей эпиграммы: я былъ весьма тронутъ, когда услышалъ, по окончаніи войны, что вы поѣхали въ Іерусалимъ, и тогда же написалъ для васъ стихи, въ такомъ смыслѣ, что когда Цари земные, заключая миръ, позабыли Святой Градъ, одинъ лишь безвѣстный юноша вспомнилъ о немъ и пошелъ поклониться Гробу Христову.» Я былъ тронутъ до слезъ и благодарилъ знаменитаго поэта за его утѣшительное слово, которое такъ прямо вытекло изъ его благородной

[15] См. далѣе примѣчаніе о Кн. З. Волконской.

души. Пушкинъ обѣщалъ мнѣ отыскать стихи свои, но сколько ни рылся въ бумагахъ, не могъ найти ихъ; написать же новые, какъ бы съ подогрѣтыми чувствами, было бы странно; такъ они и пропали.

Отрадно протекло для меня это лѣто 1832 года; оно оставило по себѣ воспоминанія, которыя никогда не изгладятся изъ сердечной памяти. Все мнѣ улыбалось; я былъ счастливъ и тѣмъ, что вырвался изъ душной столицы на приволье деревенской жизни, къ которому привыкъ съ дѣтства, и снова могъ наслаждаться природой. Къ этому присоединились и лестныя для юнаго авторскаго самолюбія отзывы во всѣхъ журналахъ, и это еще болѣе тѣшило старика отца, который близко принималъ къ сердцу успѣхи сыновніе. Три сосѣднихъ родственныхъ семейства, всѣ въ одной сторонѣ, Шаховскихъ, Мещерскихъ и Чернышевыхъ, составляли для меня пріятное развлеченіе; я переѣзжалъ отъ однихъ къ другимъ, и посѣщалъ иногда сосѣднюю обитель Св. Іосифа Волоколамскаго.

Умолчать ли о томъ, что въ сихъ прогулкахъ едва не рѣшилась судьба моя!—Тогда бы совершенно измѣнились образъ моей жизни

и церковное мое призваніе.—Къ счастію ли бы это мнѣ послужило, или нѣтъ,—Господь вѣдаетъ; но все, что случается съ нами, должно принимать, какъ бы отъ руки Его дивнаго промысла[16].—Теперь, когда уже все сіе обратилось въ давно-минувшее, когда то, что оживляло сію столь свѣтлую эпоху жизни, уже отжило, и рука холодной смерти не пощадила ни одного лица, несмотря на юные еще годы,—грустно озираться теперь на это поле печальныхъ воспоминаній; если же и встрѣтишь иногда кого-либо изъ сего нѣкогда столь пріятнаго круга, то это какъ-бы уцѣлѣвшіе останки разбитаго бурей корабля, еще носимые по житейскимъ волнамъ.—Вся моя повѣсть больше о мертвыхъ, нежели о живыхъ, хотя еще протекло не болѣе 25-ти лѣтъ, когда все это еще дышало полнымъ цвѣтомъ жизни. Я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы сходить на богомолье въ Сергіеву Лавру, по данному мною обѣту еще въ Іерусалимѣ; мнѣ тамъ стало совѣстно, что я прежде успѣлъ посѣтить святой градъ

[16] А. Н. Муравьевъ мечталъ о бракѣ съ одной изъ Графинь Чернышевыхъ, жившихъ въ Яропольцѣ, но бракъ его брата Николая Николаевича съ сестрою ея лишилъ А. Н. законной возможности осуществить это желаніе.

нежели свою родную Лавру. Тотчасъ по возвращеніи изъ Палестины я туда собрался, но меня удержала холера; на сей разъ однако пѣшкомъ, хотя и въ страшное ненастье, ходилъ я въ Лавру, на праздникъ Преподобнаго, и съ тѣхъ поръ почти ежегодно Господь даровалъ мнѣ утѣшеніе посѣщать сію молитвенную сокровищницу Земли Русской. Посѣтилъ я и Новый Іерусалимъ, на пути изъ столицы въ нашу деревню, и опять утѣшался сходствомъ чудной сей обители съ древнимъ храмомъ Гроба Господня; но въ этотъ годъ, не знаю почему, не сдѣлалъ я описанія ни Лавры, ни нашего Іерусалима. Поздно осенью возвратился я въ Петербургъ и дорогою заѣзжалъ опять въ Юрьевскую обитель. У Архимандрита Фотія засталъ я Графиню Орлову, и странный разговоръ, возникшій между нами, былъ причиною, что я началъ соблюдать посты среды и пятка. Архимандритъ спросилъ меня, соблюдаю ли ихъ; я отвѣчалъ: что «не имѣю своего стола».—«А какъ же Графиня, возразилъ онъ, постилась даже и въ Пруссіи, за Королевскимъ столомъ?» «Не мудрено, сказалъ я, когда Король и Графиня отдариваются между собою по-царски, Король вазами,

а Графиня рысаками».—Желая, по скромности, замять этотъ разговоръ, Графиня обратилась ко мнѣ съ шуткой и сказала, будто бы уступаетъ мнѣ весь свой конный заводъ, по моей охотѣ къ лошадямъ. Я благодарилъ ее въ томъ же шутливомъ тонѣ, и уступалъ ей обратно весь заводъ за одну только верховую лошадь.

Услышавъ это, Фотій весьма рѣшительно спросилъ Графиню: «Анна, да развѣ ты еще не подарила ему лошади?» Смиренная Графиня тотъ часъ приступила ко мнѣ, уже не въ шутку, а съ настоятельною просьбою, чтобы я принялъ отъ нея лошадь. Архимандритъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы предложить мнѣ соблюсти хотя одинъ лишь постный день по пяткамъ. Не могъ я ему отказать, по совѣсти чувствуя самъ, что на сей разъ я былъ какъ-бы подкупленъ лошадью, но мнѣ стало совѣстно поститься только въ пятокъ, ради корысти, и пренебрегать средою; я началъ соблюдать и среду. Вотъ, какъ отъ пустой повидимому шутки произошелъ добрый навыкъ.

Большое искушеніе постигло меня въ Петербургѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ Ротчевъ, который столько странствовалъ въ

послѣдствіи во всѣхъ краяхъ свѣта, а тогда еще служилъ при театрѣ, выпросилъ у меня одну изъ моихъ трагедій, «Битву при Тиверіадѣ». А я польстился не столько славолюбіемъ, сколько желаніемъ видѣть на сценѣ рыцарство, мною любимое съ дѣтства, и память Палестины. Между тѣмъ успѣхъ Путешествія моего по святымъ мѣстамъ возбудилъ общее ожиданіе; но хотя трагедія обставлена была великолѣпно на сценѣ, она рухнулась съ перваго раза. Меня не было на первомъ представленіи, но я могъ убѣдиться на второмъ, какъ мало она производила впечатлѣнія, по недостатку ли общаго интереса въ самой трагедіи, или потому, что и самая публика была незнакома съ лицами и событіями крестовыхъ временъ, въ которыхъ заключался главный интересъ драматическій. Любовались только декораціями, и я самъ просилъ, чтобы перестали играть Тиверіаду. Много досталось мнѣ выслушать колкихъ замѣчаній отъ людей самыхъ близкихъ; иные только пожимали плечами и говорили объ этомъ, какъ о великомъ для меня позорѣ.

Все это было весьма чувствительно для начинающаго писателя, и могло поколебать

успѣхъ моего Путешествія. Самое духовенство на меня роптало за то, что на сценѣ былъ видъ Іерусалима, а Митрополитъ Іона, бывшій Экзархъ Грузіи, говорилъ, что меня слѣдуетъ подвергнуть эпитиміи. Помню, когда я поѣхалъ провожать до Новгорода брата Николая, отправлявшагося въ Египетъ, чтобы мнѣ укрыться отъ непріятныхъ толковъ, то Архимандритъ Фотій обличилъ меня въ церкви въ томъ, какъ неприлично увлекаться самолюбіемъ и разыгрывать на театрѣ трагедіи для соблазна народу; онъ говорилъ это, не ожидая моего пріѣзда, какъ-бы по духу прозорливости. Такой урокъ самолюбію послужилъ мнѣ однако на пользу, потому что навсегда отвлекъ меня отъ драматическихъ твореній, а если бы имѣлъ я первый успѣхъ, то вѣрно бы увлекся симъ родомъ сочиненій и уклонился отъ церковнаго. Добрый Жуковскій, услышавъ за границей о моей неудачѣ, писалъ поэту Козлову, чтобы онъ меня утѣшилъ, потому что не сомнѣвается въ моихъ дарованіяхъ, а Пушкинъ напечаталъ у себя въ журналѣ Современникъ лучшія сцены изъ Тиверіады съ предисловіемъ, которое я написалъ, чтобы оправдать мою трагедію предъ публикой.

Зима протекла въ тѣхъ же занятіяхъ, служебныхъ и литературныхъ, и въ томъ же обществѣ; но вотъ что было еще слѣдствіемъ моего путешествія въ Іерусалимъ: когда Министръ Иностранныхъ дѣлъ, подносившій книгу мою Государю, представилъ меня на новый годъ къ чину, Государь милостиво отозвался, что онъ имѣетъ для меня мѣсто, по духу моей книги. Дѣйствительно бывшій Министръ Духовныхъ дѣлъ Князь А. Н. Голицынъ[17], съ которымъ былъ я знакомъ чрезъ Мальцовыхъ, все-же меня призвалъ и, отъ имени Государя, предложилъ мѣсто за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, такъ какъ занимавшій сіе мѣсто Нечаевъ поступалъ въ должность Оберъ-Прокурора[18]. Я испугался, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, потому что вовсе не понималъ этой должности, чувствовалъ только свою неспособность къ бюрократіи и зналъ нерасположеніе

---

[17] Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода до 1817 г., затѣмъ Министръ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія до 1824 г., Канцлеръ Россійскихъ Орденовъ съ 1830 г., скончался въ 1846 г.

[18] Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода 1833—1836 г. (съ 24 февр. по день отставки—25 іюня Нечаевъ былъ въ отпускѣ, по необходимости ѣхать въ Крымъ къ умиравшей женѣ).

ко мнѣ Нечаева, который готовилъ это мѣсто для другого. Князь предварилъ меня, что неловко отказываться, и далъ недѣлю срока для разсужденія; тогда я, по совѣту Мальцовыхъ,—согласился и написалъ письмо Князю, которое онъ показывалъ Государю, такого содержанія: что, повинуясь Монаршей волѣ, прошу не гнѣваться на меня въ послѣдствіи, если не оправдаю добраго обо мнѣ мнѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ я по прежнему числиться и въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.

Письмо это послужило мнѣ спасеніемъ чрезъ 9 лѣтъ, когда началъ гнать меня другой Оберъ-Прокуроръ, Графъ Протасовъ. Не чудно ли однако, что опять Іерусалимъ, и одинъ лишь Іерусалимъ, подвигалъ меня на всѣхъ стезяхъ и открывалъ мнѣ въ одно и то же время поприще гражданское и церковное и литературное, безъ всякихъ съ моей стороны домогательствъ!—Митрополиты Серафимъ и Филаретъ были рады моему назначенію, потому что меня любили. Владыка Московскій разсказалъ мнѣ даже сонъ, который видѣлъ. Ему снилось, что я стоялъ въ церкви близь амвона, и Митрополитъ Платонъ, необычай-

наго роста, тутъ же повелѣвалъ ему принести какое-то облаченіе, которое самъ на меня надѣлъ. А я въ то же время видѣлъ во снѣ, будто меня вводятъ въ Святую Софію. Разсказывая теперь эти сны, нисколько не увлекаюсь какимъ-либо чувствомъ самолюбія и присовокупляю: что когда, въ нынѣшнемъ году, напоминалъ я о томъ Владыкѣ Московскому, онъ отозвался, что не помнитъ; но на меня эти сны произвели тогда слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобы я когда-либо могъ ихъ позабыть.

Едва только я поступилъ на новое поприще моей службы, какъ со мной случилось непріятное происшествіе, которое могло бы мнѣ повредить при нерасположеніи моего ближайшаго начальства. При началѣ весны посѣтилъ я, какъ это бывало каждый годъ, моихъ пріятелей въ Царскомъ Селѣ, и тамъ, ѣздивши верхомъ, сломалъ себѣ руку. Двѣ недѣли долженъ я былъ оставаться на попеченіи у гусаръ, и потомъ переѣхалъ на Крестовскій островъ, къ Княгинѣ Бѣлосельской[19], которая дала мнѣ у себя на дачѣ пріютъ на

[19] Княгиня Елена Павловна Бѣлосельская-Бѣлозерская, во второмъ бракѣ Княгиня Кочубей.

все лѣто. Докторъ предписалъ мнѣ строгую діэту, только уху и желей, и такъ выдержалъ меня три недѣли Петрова поста. Прежде я не соблюдалъ этотъ постъ, не считая его важнымъ, потому что онъ то сокращается, то бываетъ очень длиненъ, судя по времени Пасхи. Когда же мнѣ пришлось по неволѣ его выдержать, я подумалъ, что, можетъ быть, и самая болѣзнь мнѣ приключилась для того, чтобы, служа въ Синодѣ, научился соблюдать всѣ правила церковныя; и съ тѣхъ поръ началъ я соблюдать постоянно всѣ посты.

Тотъ часъ по выздоровленіи поѣхалъ я на Валаамъ и въ Коневецъ, на Ладожскомъ озерѣ, и описалъ сіи обители. Осенью воспользовался я отъѣздомъ Мальцовыхъ въ Москву, чтобы съѣздить въ деревню къ батюшкѣ, на одинъ мѣсяцъ, посовѣтоваться съ нимъ о моемъ новомъ родѣ службы. Нерасположеніе моего начальника мнѣ очень было непріятно, потому что онъ старался всячески выказать неспособность мою къ дѣламъ, и если что поручалъ, то не безъ колкостей; отъ того еще болѣе умножилась естественная моя нелюбовь къ бюрократіи; однако, сколько могъ, я занимался, хотя лите-

ратурныя занятія мнѣ были больше по сердцу. Такъ прошла зима. Въ 1834 году сдѣлалъ я второе изданіе моего Путешествія, но не предпринималъ никакого большаго труда. Лѣто провелъ опять на Крестовскомъ, гораздо пріятнѣе для службы, потому что съ весны уѣхалъ Нечаевъ, по болѣзни жены своей[20] на Югъ, и я почти цѣлый годъ оставался при добромъ Князѣ Мещерскомъ, который былъ прежде него Оберъ-Прокуроромъ[21].

Поэтъ Козловъ[22] и собиравшееся у него общество убѣждали меня предпринять обширный трудъ—Исторію Патріарховъ нашихъ, въ лѣтописномъ вкусѣ. По моей просьбѣ Нечаевъ выписалъ изъ Москвы судное дѣло Патріарха Никона, о которомъ услышалъ я отъ Митрополита Московскаго, что оно нечаянно было найдено Строевымъ, въ числѣ ненужныхъ свитковъ, подъ кроватью Синодальнаго ризничаго[23]. Не умѣлъ я тогда раз-

---

[20] Софья Сергѣевна Мальцова, племянница Кн. П. С. Мещерскаго.

[21] Князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій былъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода съ 1818 по 1833 г.

[22] Иванъ Ивановичъ, поэтъ, авторъ «Безумной», «Чернеца» и «Нат Долгорукой», другъ дома Мордвиновыхъ, † 30 января 1840 г.

[23] См. Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н М., стр. 28—29 и 389—390.

бирать старинный почеркъ, и свитки сіи оставались долго въ ящикѣ подъ столомъ у Нечаева, какъ прежде подъ кроватію ризничаго. Я написалъ однако легкій обзоръ нашей исторіи церковной до временъ патріаршихъ, въ видѣ предисловія, изъ котораго въ послѣдствіи составилась моя краткая исторія Русской Церкви. Но мысль о Никонѣ не оставляла меня тогда, какъ и теперь; и до сихъ поръ еще все бродитъ въ головѣ моей, что когда окончу житія святыхъ и гдѣ-либо поселюсь на Югѣ, то совершу, наконецъ, давнее мое предпріятіе, потому что у меня собраны всѣ матеріалы, какіе нужны для исторіи Никона[24], и теперь я дополняю ихъ въ Московскомъ Архивѣ, изъ Греческихъ дѣлъ.

Когда наступила весна 1835 года, я просился въ отпускъ на все лѣто къ батюшкѣ. Мнѣ желательно было посѣтить еще разъ Лавру Сергіеву и проѣхать далѣе въ Ростовъ; я посѣтилъ проѣздомъ и Новый Іерусалимъ, и на сей разъ описалъ свою поѣздку; это составило, вмѣстѣ съ Валаамомъ, первую часть моего Путешествія по святымъ мѣстамъ Рус-

[24] Исторію Патріарха Никона А. Н. Муравьевъ началъ писать въ 1862 г.

скимъ, которое мнѣ хотѣлось дополнить въ послѣдствіи описаніемъ любопытнѣйшихъ изъ монастырей нашихъ. Въ Москвѣ испросилъ я у почтеннаго старца, А. Ѳ. Малиновскаго, начальника Архива, любопытный статейный списокъ о пришествіи Патріарха Цареградскаго Іереміи въ Россію, потому что мнѣ хотѣлось заняться лѣтомъ исторіей Патріарховъ, но я написалъ только два отрывка; совершенно къ иному обратились мои мысли. Между тѣмъ, видя любовь мою къ древностямъ, Малиновскій сдѣлался особенно ко мнѣ расположенъ, и даже въ послѣдствіи завѣщалъ мнѣ все то, что было имъ собрано о древностяхъ Московскихъ, желая, чтобы я это дополнилъ и послѣ него издалъ въ свѣтъ[25]; но я не обѣщался сего исполнить доброму старцу, потому что не имѣю вкуса къ изданіямъ археологическимъ; а послѣ его смерти я отказался отъ завѣщанныхъ мнѣ тетрадей въ пользу его семейства.

---

25 Эта черта А. Ѳ. Малиновскаго можетъ уяснить его постоянный интересъ къ историческимъ документамъ, тѣмъ болѣе первой важности. Онъ—составитель Устава Шереметевскаго Странноприимнаго Дома, какъ человѣкъ близкій его Учредителю, Графу Николаю Петровичу Шереметеву.

До сихъ поръ я только занимался предметами историческими или описаніемъ моихъ путешествій; совершенно нечаянный случай направилъ меня на иную дорогу, которая мнѣ, какъ мірянину, казалось, не открыта.—Въ половинѣ лѣта познакомился я съ нашимъ сосѣдомъ Гончаровымъ, Лейбъ-Гусарскимъ офицеромъ, весьма блистательнымъ въ то время, которому принадлежала большая часть имѣнія Яропольца, близъ маіората Чернышевыхъ. Воспоминанія сего мѣста, близкія моему сердцу, привлекли меня въ другую половину усадьбы, когда первая опустѣла, и я очень подружился съ Гончаровымъ. Свѣтское его образованіе, какъ и вообще всѣхъ людей нашего круга, было чуждо всему церковному.

Онъ ходилъ въ церковь, мало что понимая, и отъ того лѣнился; мнѣ же это было очень больно. Однажды, когда я шелъ пѣшкомъ изъ Яропольца въ деревню старшаго моего брата, Ботово,[26] отстоявшую за 4 версты, мнѣ пришло на мысль изложить въ краткихъ

---

[26] Волоколамскаго у., нынѣ принадлежитъ Д. Н. Шипову, послѣ отца Ник. Павл. Щипова, купившаго Ботово у Муравьевыхъ.

письмахъ значеніе нашей церковной службы, и дорогою я составилъ очеркъ перваго письма, которое немедленно положилъ на бумагу, возвратясь въ Яропольцъ, а пріѣхавъ въ свою деревню Осташово[27], написалъ и три послѣдующихъ о чинѣ Архіерейской Литургіи.

Это было начало моихъ писемъ о богослуженіи, которыя имѣли впослѣдствіи болѣе успѣха, нежели какая-либо изъ моихъ книгъ.—Но что весьма странно, когда я въ Петербургѣ показалъ первыя четыре письма Московскому Владыкѣ, прося ихъ исправить, Митрополитъ совѣтовалъ мнѣ оставить это дѣло, говоря, что въ письмахъ нѣтъ никакой полноты и многое опущено изъ церковныхъ предметовъ. Тогда я просилъ его мысленно выдти изъ олтаря, гдѣ ему какъ священнослужителю все ясно и знакомо, и ставъ, на мѣсто міpянина, противъ царскихъ вратъ, объяснять ему только то, что будетъ представляться въ сей тѣсной рамѣ, и то, что совершается внѣ олтаря. Владыка свѣтлымъ умомъ своимъ понялъ мою мысль и снисходительно исправилъ недостатки первыхъ

---

27 Виды Осташова, масляными красками, всегда висѣли въ комнатѣ А. Н.

писемъ, дополнивъ ихъ высокимъ истолкованіемъ Архіерейскаго облаченія и Трисвятой пѣсни при осѣненіи съ горняго мѣста[28]. Онъ благословилъ меня продолжать, и я описалъ немедленно вечерню, утреню и прежде-освященную обѣдню, которую напечаталъ въ числѣ семи писемъ перваго выпуска; успѣхъ былъ удивительный, такъ какъ это была вещь новая, и кромѣ ученаго, но тяжелаго толкованія Дмитревскаго, нечего было читать по сему предмету.

При наступленіи великаго поста вспомнилъ я, что одна моя знакомая, Княгиня Вяземская, давно уже предлагала мнѣ прочесть Тріодь постную, говоря, что въ ней заключаются чудныя красоты, а я получилъ только что сію Тріодь въ числѣ подносныхъ книгъ изъ Синода. Я рѣшился прочесть всю и дѣйствительно былъ пораженъ духовною ея поэзіею, ибо лучшіе геніи Востока ее составляли. Немедленно приступилъ я къ дѣлу и написалъ вторую книжку, которая едва-ли не лучше прочихъ,—о великомъ постѣ и Св. Пасхѣ. Но когда принесъ ее Владыкѣ, встрѣ-

[28] Ср. Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 13, стр. 27—28.

тилъ опять то же неодобреніе. Ему казалось страннымъ, что я избралъ сей предметъ и изложилъ его въ такомъ видѣ; однако не отказался онъ исправить ошибки церковныя. Книжка моя имѣла еще больше первой успѣхъ. Лѣтомъ приготовилъ я и третью—о таинствахъ. Тутъ Владыка сталъ уже рѣшительно возбранять мнѣ, говоря, что міряни вовсе неприлично писать о таинствахъ и еще такъ неудовлетворительно; я отвѣчалъ, что пишу не столько о таинствахъ, сколько о ихъ обрядовой сторонѣ, и спросилъ его: лучше ли, что міряне, приступая къ нимъ и часто бывая воспріемниками, вовсе не разумѣютъ, что дѣлаютъ?—Тогда Владыка согласился исправить догматическія ошибки и уже не пререкалъ о четвертой книжкѣ, касающейся праздниковъ.

Всѣ четыре явились къ веснѣ 1837 года въ одной книгѣ; успѣхъ былъ удивительный. Случалось не разъ, что меня останавливали простые люди на улицѣ и благодарили за то, что я ихъ просвѣтилъ; одна вдова изъ Полтавской губерніи прислала мнѣ Никонову Скрижаль и старинную исторію рыцарскихъ орденовъ при письмѣ, въ коемъ объясняла,

что нашла сіи книги въ библіотекѣ покойнаго своего мужа и подноситъ мнѣ, чтобы тѣмъ выразить свою благодарность за то, что я своими сочиненіями помогъ ей образовать малолѣтнихъ ея дѣтей; Скрижаль и доселѣ у меня. Пишу это не для похвальбы, но чтобы показать, какое впечатлѣніе произвела сія книга. Не странно ли и то, что первый ея переводъ сдѣланъ былъ Полькою въ Варшавѣ, на родной ея языкъ, хотя она была сама Римскаго исповѣданія; Нѣмецкій переводъ Мюральда[29] явился гораздо позже. Книга сія послужила и для вещественнаго моего блага, потому что въ то время произошла перемѣна въ моихъ служебныхъ обстоятельствахъ, и мнѣ нужны были средства для полученнаго мною придворнаго званія.

Весною 1835 года болѣзнь жены заставила Нечаева проситься опять въ отпускъ, и такъ какъ Князь Мещерскій не хотѣлъ болѣе исполнять его должность, то ему пришлось просить на свое мѣсто другаго; выборъ его палъ, къ общему изумленію, на Флигель-Адъ-

---

[29] Muralt—пасторъ въ Петербургѣ, издатель хроники Георгія Амартола въ греч. текстѣ (1861 г.).

ютанта Графа Протасова;[30] но тайная мысль Нечаева была та, что Графъ, какъ военный, никогда не заступитъ мѣсто Оберъ-Прокурора въ Синодѣ, чего опасался отъ гражданскихъ своихъ намѣстниковъ, а между тѣмъ, какъ Товарищъ Народнаго просвѣщенія, Протасовъ могъ приблизить его къ сему министерству, ибо весьма желалъ Нечаевъ, чѣмъ оно бы опять соединилось въ лицѣ его съ министерствомъ Духовныхъ дѣлъ. Государю напомнилъ онъ, что первымъ Оберъ-Прокуроромъ былъ капитанъ Гвардіи, и это понравилось при Дворѣ, хотя духовенство было поражено назначеніемъ военнаго въ Синодъ и многіе изъ мірянъ этимъ соблазнялись.

Графъ имѣлъ познанія о Церкви, хотя болѣе западныя, потому что воспитателемъ его былъ ученый іезуитъ, но благочестивая мать научила его и церковному кругу. Ко мнѣ онъ весьма благоволилъ въ началѣ, и я старался изгладить у духовныхъ непріятное впечат-

[30] Флигель-Адъютантъ Графъ Николай Александровичъ Протасовъ, Товарищъ Министра Просвѣщенія, съ 25 іюня 1836 г. по 16 января 1855 г. (т. е. до своей кончины) Оберъ-Прокуроръ Св. Синода. Женатъ на Натальѣ Дмитріевнѣ Княжнѣ Голицыной, дочери Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Характеризованъ А. Н. Муравьевымъ въ книгѣ Письма Митрополита Московскаго Филарета № 24, стр. 37.

лѣніе его военнаго мундира. Вскорѣ и самъ онъ пріобрѣлъ ихъ расположеніе, многими благонамѣренными дѣйствіями доказавъ ревность свою къ православію. При самомъ началѣ отклонилъ онъ печатаніе полнаго собранія церковныхъ законовъ, весьма неблаговиднаго по нѣкоторымъ указамъ временъ Петровыхъ, которое однако хотѣлъ печатать Нечаевъ въ угожденіе Сперанскому. Вмѣсто того Графъ испросилъ Высочайшее повелѣніе напечатать собраніе правилъ соборныхъ, начатое при Елисаветѣ и остановленное при Екатеринѣ; этимъ пріобрѣлъ онъ довѣренность старца Митрополита Серафима. Вообще его поступки и образъ мыслей были весьма церковны, хотя и съ нѣкоторыми оттѣнками западными, тогда какъ Нечаева, напротивъ того, всѣ подозрѣвали въ протестантизмѣ, съ неудовольствіемъ ожидали его возвращенія слѣдующею весною; члены Синода желали удержать Графа хотя въ Комиссіи духовныхъ училищъ. Владыки Московскаго тогда не было въ Петербургѣ. Преосв. Казанскій Филаретъ взялся внушить Митрополиту Серафиму, чтобы онъ просилъ о томъ Государя чрезъ Графа Бенкендорфа, но не съумѣлъ этого сдѣлать. Тогда я при-

нялъ на себя убѣдить добраго старца, и онъ подписалъ желаемое письмо. Все это было съ вѣдома самого Графа и весьма ему пріятно; помню, что въ его же коляскѣ отвезъ я изъ Синода письмо сіе къ моему родственнику Мордвинову, служившему при Графѣ Б...— Государь былъ доволенъ, что выборъ его, хотя и странный, одобренъ Архіереями, и онъ мысленно уже назначилъ Протасова Оберъ-Прокуроромъ. Но я возвращаюсь къ постепенности разсказа.—Въ продолженіи зимы съ 1835 на 1836 годъ, Графъ, особенно ко мнѣ тогда расположенный, совѣтовался со мною о многихъ предметахъ, для православнаго направленія дѣлъ церковныхъ, и особенно ученія. Моему особенному надзору поручилъ онъ печатаніе правилъ соборныхъ на Греческомъ и Русскомъ языкѣ, и желалъ, чтобы я написалъ изложеніе Символа Вѣры или краткій Катихизисъ для людей свѣтскихъ; узнавъ, что я собираюсь писать обширную исторію Патріарховъ и уже приготовилъ для нея предисловіе, онъ убѣдилъ меня присоединить къ сему предисловію краткій обзоръ патріаршаго періода и такимъ образомъ составить полную, хотя и краткую исторію Русской Церкви, ко-

торая введена была имъ въ училища; въ послѣдствіи ее перевелъ на Англійскій языкъ діаконъ Пальмеръ,[31] и еще недавно перевели на Французскій и Нѣмецкій.

Весною, когда уже ожидали скораго возвращенія Нечаева, Графъ подумалъ о томъ, какъ бы меня оградить отъ непріязни бывшаго Оберъ-Прокурора, и представилъ въ Камергеры, не смотря на то, что я отказывался отъ сего въ началѣ зимы. 21-го Мая, возвратясь съ прогулки на островахъ, я нашелъ у себя записку Графа, который самъ былъ у меня и оставилъ мнѣ копію съ своего доклада, въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ. Я поспѣшилъ его благодарить; онъ обнялъ меня и сказалъ: «я нарочно доставилъ вамъ копію съ сего доклада, чтобы онъ могъ послужить вамъ въ защиту противъ Нечаева, если опять будетъ говорить противъ васъ,

[31] «Англійскій діаконъ Пальмеръ, будучи представителемъ новаго религіознаго общества Пюизеитовъ, возникшаго въ Оксфордѣ, съ цѣлью возобновить древніе порядки церковные и искать союза съ Востокомъ, два раза пріѣзжалъ съ весьма странными предложеніями въ Петербургъ; онъ хотѣлъ, чтобы въ лицѣ его, наша Церковь признала православіе Англиканской, и разумѣется былъ отвергнутъ. Впослѣдствіи, съ тѣми же предложеніями обращался онъ къ Восточнымъ Патріархамъ, и кончилъ присоединеніемъ къ Риму». Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М., стр. 122.

что ваша служба безполезна».—Могъ ли я тогда подумать, что чрезъ 6 лѣтъ этотъ докладъ послужитъ мнѣ противъ самого Графа, для моей защиты?

Нечаевъ возвратился въ исходѣ Іюня уже овдовѣвшимъ; онъ спѣшилъ ко дню рожденія Государя, и весьма былъ изумленъ, что не получалъ разрѣшенія вступить въ должность. Нѣсколько времени не знали, кто будетъ Оберъ-Прокуроромъ, и уже оберъ-секретари приходили меня поздравлять; наконецъ узнали, что Нечаевъ сдѣланъ Сенаторомъ въ Москву; но еще о Графѣ Протасовѣ не было указа, и онъ колебался принять на себя сію должность. Архіепископъ Казанскій Филаретъ пріѣзжалъ убѣждать его, чтобы не отказывался; я тутъ же случился, и какъ-бы предчувствуя, что будетъ между нами, говорилъ, что «если мало ему одного сотрудника, пусть возьметъ еще нѣсколькихъ за Оберъ-Прокурорскій столъ, не думая меня тѣмъ оскорбить». Графъ былъ наконецъ назначенъ, и радость была общая между членами Синода. Владыка Серафимъ первый объявилъ мнѣ вѣсть сію на дворѣ Лавры, гдѣ я его встрѣтилъ, обнялъ и пригласилъ обѣдать.

Но никогда не должно слишкомъ увлекаться какимъ-либо чувствомъ, или загадывать впередъ, что мнѣ сказалъ и Князь А. Н. Голицынъ, когда я встрѣтился съ нимъ въ саду на праздникѣ Петергофскомъ и чрезвычайно хвалилъ новый выборъ Оберъ-Прокурора. Я далъ обѣщаніе, въ случаѣ успѣха, сходить на богомолье въ Сергіеву пустынь, наканунѣ Ильина дня, такъ какъ это былъ день моего возвращенія изъ Іерусалима; но вечеромъ меня едва не ограбили по Сергіевской дорогѣ. Вскорѣ начала обнаруживаться истина словъ Князя Голицына. Графъ, сдѣлавшись прямымъ начальникомъ, почти съ перваго дня перемѣнилъ обращеніе со мною, стараясь, чтобы наши отношенія были только служебными; это было мнѣ весьма больно, потому что я его искренно любилъ, вовсе не изъ личной цѣли, а только за ревность его къ Церкви.

Вскорѣ начались неудовольствія. Лѣтомъ Графъ поручилъ мнѣ обревизовать типографію, которая была въ совершенномъ хаосѣ отъ самаго ея учрежденія[32]. Такъ какъ прежде

[32] См. Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 25, стр. 40—41.

онъ никогда не занималъ меня такого рода предметами, а болѣе учеными или духовными, то я отговаривался тѣмъ, что могу запутаться въ счетахъ, потому что это вовсе не по моей части. Графъ вспыхнулъ и съ этой минуты наши отношенія совершенно измѣнились. Меня это тронуло до слезъ; однако я исполнилъ удовлетворительно дѣло на меня возложенное.

Осенью возвратился чиновникъ по особымъ порученіямъ, бывшій при Нечаевѣ, Войцеховичъ, и какъ человѣкъ ловкій и опытный въ дѣлахъ, умѣлъ сперва вкрасться въ довѣренность Графа, а потомъ незамѣтно для него самого возъимѣлъ надъ нимъ большое вліяніе; и къ общему изумленію объявили однажды въ Синодѣ указъ о назначеніи Войцеховича за Оберъ-Прокурорскій столъ[33]. Тогда еще мѣсто сіе почиталось очень важнымъ, потому что въ началѣ было создано Екатериною для Князя Потемкина, и послѣ него упразднилось надолго, а Нечаевъ, занимая его, былъ почти Оберъ-Прокуроромъ. Самая не-

---

33 Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ Старшій чиновникъ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ, Директоръ канцеляріи при Св. Синодѣ.

ожиданность сего объявленія огорчила членовъ Синода, которые всѣ меня любили. Митрополитъ Серафимъ спросилъ меня, кто изъ двухъ будетъ старше, и пожалъ плечами, услышавъ, что Войцеховичъ. Графу, вѣроятно, было совѣстно предо мною, потому что его не было въ засѣданіи; однако онъ не извинялся въ этомъ, но разъ какъ-то сказалъ въ послѣдствіи: «съ такими чиновниками легче работать, а васъ мнѣ совѣстно часто тревожить»; еще однажды на балѣ у Великой Княгини, танцуя, говорилъ: «мнѣ неловко встрѣтить васъ завтра въ Синодѣ!»

Это показываетъ, что Графъ, хотя и принадлежалъ къ высшему обществу, однако любилъ окружать себя чиновниками, которыхъ считалъ своими людьми; большая часть изъ нихъ были Малороссіяне, такъ что покойный Государь однажды шутя ему замѣтилъ предпочтеніе его къ сему племени. Вскорѣ явился и Бѣлоруссъ, человѣкъ ловкій, осторожный, воспитанный въ Полоцкомъ училищѣ Іезуитовъ, который совершенно пришелся по духу Протасову. Полезный во многихъ отношеніяхъ по своей учености, онъ сталъ однако вмѣшиваться, къ крайнему при-

скорбію чиновниковъ, въ дѣла догматическія, по цензурѣ и вполнѣ овладѣлъ довѣренностью Графа по сему предмету; вліяніе его распространилось и на слѣдующаго Оберъ-Прокурора. Это былъ Сербиновичъ[34], временно заступающій его мѣсто.

Въ Октябрѣ того же года, предъ самымъ пріѣздомъ Митрополита Московскаго, неоднократно спрашивалъ меня Графъ, думаю ли я, что онъ возвратится. Я отвѣчалъ положительно, хотя зналъ, что Графу желательно было противное, потому что онъ боялся его ума и вліянія на дѣла и, къ сожалѣнію, былъ сильно противъ его предубѣжденъ. Виною сего отчасти былъ Архіепископъ Казанскій, человѣкъ добрый, но весьма ограниченный, хотя и благочестивый, который за нѣсколько лѣтъ предъ симъ выѣхалъ изъ Петербурга, во времена Библейскаго Общества, когда многіе подозрѣвали въ неправославіи Князя Голицына и всѣхъ его приближенныхъ. Позабывъ, что все наше юношество обязано духовнымъ своимъ образованіемъ Катихизису Москов-

34 Сербиновичъ Константинъ Степановичъ (1797—1874 г.), съ 1836 г. состоялъ Директоромъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода, Директоромъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ и Духовно-учебнаго правленія.

скаго Владыки, на него самого безразсудно обратили сіи подозрѣнія. Были, это правда, нѣкоторыя черты протестантства въ нашемъ духовенствѣ, но ничего не было общаго въ этомъ направленіи, а только частный случай; и весьма напрасно вооружался противъ сего Графъ Протасовъ, направляя свою дѣятельность не туда, куда надлежало, и слишкомъ довѣряя пустымъ толкамъ людей, которые сами ничего не могли произвести. Да и что за православіе вопіявшаго о православіи, который самъ не соблюдалъ церковныхъ правилъ о постѣ?—Когда возвратился Владыка изъ Москвы, стало извѣстно, что ему были посыланы чрезъ добраго Ростовскаго Архимандрита Иннокентія тайныя внушенія остаться въ Москвѣ. Это была хитрость со стороны Графа, но Митрополитъ ихъ не послушалъ, и весьма благоразумно, потому что не имѣлъ явнаго предписанія остаться; въ послѣдствіи однако измѣнилось о немъ мнѣніе Графа.

Не смотря на нѣкоторыя непріятности съ Графомъ, едва ли это не было самое блистательное время моей жизни, ибо на меня уже начинали смотрѣть, какъ на церковнаго писателя; изданіе Писемъ о богослуженіи дало мнѣ

средства все для себя устроить по моему новому придворному званію. Весною я опять поѣхалъ къ отцу моему, и это было послѣднее лѣто, которое провелъ я въ деревнѣ, подъ кровомъ родительскаго дома, гдѣ протекли радостные дни юности; съ тѣхъ поръ я тамъ уже не жилъ: батюшка переѣхалъ по болѣзни въ Москву. Итакъ, этотъ годъ былъ какъ-бы переломомъ въ моей домашней жизни. Весною посѣтилъ я впервые Воронежъ, чтобы поклониться мощамъ новоявленнаго чудотворца, и оттуда поѣхалъ въ Калужскую деревню моего пріятеля Гончарова[35], у котораго тогда жила только что овдовѣвшая сестра его, Пушкина. Тамъ встрѣтилъ меня Жуковскій и пригласилъ сопутствовать Цесаревичу по святынѣ Московской. Немедленно прибылъ я въ Москву и услышалъ то же благосклонное приглашеніе отъ самого Великаго Князя. Осмотрѣвъ всѣ монастыри Московскіе, мы посѣтили Лавру Троицкую и Новый Іерусалимъ, гдѣ я со всею подробностію изъяснилъ сходство сей обители съ древнимъ храмомъ Воскресенія. Цесаревичъ осыпалъ меня своими

[35] Владѣлецъ села Полотняный заводъ Калужской губ., братъ Н. П. Пушкиной.

милостями[36]. Утѣшительнымъ для меня воспоминаніемъ того пріятнаго времени осталось донынѣ знакомство съ почтеннымъ Княземъ С. М. Голицынымъ[37], послѣднимъ, можно сказать, изъ бояръ Русскихъ, который искренно и простодушно полюбилъ меня и съ тѣхъ поръ болѣе 20 лѣтъ не измѣнилъ своей благосклонности ко мнѣ.

Возвратясь въ деревню, я получилъ письмо Графа Протасова, который, одобривъ начало моего изложенія Символа Вѣры, просилъ продолжать; книга была напечатана зимою, и я удостоился получить за нее благословеніе отъ Святѣйшаго Синода[38]. Хотя въ послѣдствіи и нападалъ на меня за сію книгу Митрополитъ Кіевскій, говоря, что не подобало писать ее мірянину, но я совершенно оправдался во всѣхъ его нареканіяхъ. Здѣсь же, въ

---

[36] Подробнѣе о семъ см. въ книгѣ «Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М.» № 31 (стр. 47), № 32, 34, 35 и 41.

[37] Кн. Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, другъ М. Филарета и владѣлецъ знаменитаго с. Мельницы подъ Москвой, нынѣ болѣе извѣстнаго подъ именемъ Кузьминокъ, скончался 11 февраля 1859 г.

[38] Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 42.

деревнѣ, описалъ я мою поѣздку съ Наслѣдникомъ.

Грустно мнѣ было разставаться съ моимъ Осташовымъ; какъ будто-бы я предчувствовалъ, что никогда болѣе не буду жить дома въ деревнѣ у себя, а между тѣмъ я, какъ нарочно, такъ хорошо тутъ устроился въ это послѣднее лѣто. Это была послѣдняя эпоха семейной моей жизни подъ кровомъ отеческимъ; тамъ преисполнено было мое сердце всѣми воспоминаніями дѣтства и юности; оно протекло въ блистательномъ обществѣ молодыхъ людей лучшихъ фамилій, которые обучались у батюшки въ Корпусѣ колонновожатыхъ; какъ быстро все это миновало!

Въ Петербургѣ переводъ моихъ Писемъ о богослуженіи на Нѣмецкій языкъ обратилъ на меня вниманіе Великой Княгини Елены Павловны и Императрицы, потому что онѣ читали ихъ на Страстной недѣлѣ. Тогда и Государь впервые сказалъ мнѣ ласковое слово; это было въ великую пятницу; при разъѣздѣ изъ дворца, шуткою онъ спросилъ меня: Почему я его не жалую?—Я сперва смутился и не зналъ, что отвѣчать, но онъ продолжалъ въ томъ же духѣ: «Ты, вѣрно, любишь жену

мою и дѣтей больше, нежели меня, потому что обносишь меня своими книгами, когда бы долженъ мнѣ первому ихъ подносить».—Съ тѣхъ поръ я свято исполнялъ сію Высочайшую волю.

Трудно на разстояніи многихъ лѣтъ упомнить порядокъ собственныхъ сочиненій, но мнѣ кажется, что въ теченіе зимы и лѣта 1838 года я занимался исторіею первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, потому что не могъ равнодушно видѣть, какъ мало у насъ извѣстны первыя начала Церкви, особенно въ духѣ православія. Помню, что, когда я былъ сдѣланъ членомъ Русской Академіи[39], я въ ней читалъ первую главу о паденіи Іерусалима, которая была одобрена, и Академія положила напечатать на свой счетъ мою книгу. Но я получилъ за нее другую неоцѣненную похвалу, съ которой ничто не можетъ сравниться.

Однажды посѣтилъ я почтеннаго родственника, 90-лѣтняго старца, адмирала Графа Мордвинова[40], который потерялъ уже голосъ

[39] Въ мартѣ 1837 г. (Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М., № 28).

[40] Знаменитый Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, о которомъ сказалъ Пушкинъ:

«Ты зорко бодрствуешь надъ Царскою казною!
Вдовицы бѣдный лептъ, и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою».

отъ старости, такъ что трудно было его понимать, и онъ болѣе выражалъ свою мысль на бумагѣ. Предъ нимъ лежала на столѣ только что вышедшая въ свѣтъ книга моя: Первые четыре вѣка христіанства. Я сѣлъ подлѣ старца, и вдругъ, къ чрезвычайному моему изумленію, поцѣловалъ онъ мнѣ руку; я вырвалъ руку и спросилъ: что это значитъ? Тогда старецъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ: «цѣлую руку написавшаго первые вѣка христіанства».—Невольно навернулись у меня слезы. Можетъ ли что сравниться съ такою наградою?

Лѣто провелъ я на Крестовскомъ островѣ и въ Августѣ вздумалъ осмотрѣть Гатчину.—Въ сосѣднемъ имѣніи Демидовыхъ[41] былъ семейный праздникъ, и радушные хозяева меня туда пригласили; тутъ я познакомился съ Кавалергардскимъ юнкеромъ Ахматовымъ[42], который очень понравился мнѣ по своему уму и образованностію; я сблизился съ нимъ, не смотря на разность лѣтъ, и онъ скоро сдѣлался мнѣ совершенно приснымъ. Но къ со-

41 Вѣроятно, Скворицы.

42 Алексѣй Петровичъ Ахматовъ, будущій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода (съ 1862 г.), пользовавшійся особымъ благоволеніемъ Императрицы Маріи Александровны.

жалѣнію, я замѣтилъ въ немъ невѣріе, заимствованное въ отсталыхъ понятіяхъ минувшаго вѣка, по его воспитанію въ Казанскомъ университетѣ.—Всѣми возможными средствами старался я разсѣять его заблужденія, но молодость и самонадѣянность преодолѣвали въ сердцѣ его слово истины.

Тогда рѣшился я, по примѣру моихъ Писемъ о богослуженіи, написать для обращенія молодого друга другія письма, «о спасеніи міра Сыномъ Божіимъ», чтобы развить предъ нимъ, въ одномъ краткомъ обзорѣ, отчасти философскомъ, отчасти богословскомъ, всю глубокую систему христіанства. Разумѣется, что я тутъ многое заимствовалъ изъ отцовъ Церкви, особенно изъ Великаго Аѳанасія, и изъ христіанскихъ мыслителей, каковъ былъ Паскаль. Владыка Московскій не отказался просмотрѣть сіе, трудное по его предмету, сочиненіе и, благодаря Бога, оно принесло въ свое время плодъ, содѣйствуя къ обращенію юноши, хотя и не въ ту минуту, но когда, сдѣлавшись опытнѣе, и съ большимъ смиреніемъ сталъ онъ смотрѣть на истины Вѣры[43].

---

[43] По поводу письма Митрополита Московскаго Филарета (отъ 27 января 1839 г.) о смиреніи А. Н. Муравьевъ замѣтилъ:

Не могу опять вспомнить, въ какое время написалъ я Исторію Іерусалима, но кажется, это было въ томъ же году. По любви моей къ Святому граду, мнѣ желательно было, чтобы его исторія, и духовная и свѣтская, была бы извѣстна православнымъ, и потому я наполнилъ первую часть житіями Святыхъ Отцовъ, самыхъ цвѣтущихъ временъ Палестины, то-есть съ 4-го до 7-го вѣка. Крестовые походы заняли вторую часть, а въ концѣ оной любопытныя свѣдѣнія о постепенномъ обладаніи Святыхъ мѣстъ различными вѣроисповѣданіями; я ихъ отчасти заимствовалъ изъ Греческой исторіи Патріарха Іерусалимскаго Досиѳея. Но книга моя имѣла мало успѣха. Весною и осенью 1839 года, дважды я отлучался въ Москву, по нездоровью батюшки, который совершенно тамъ поселился.

Такъ какъ это было блистательное время присоединенія Уніи, то я занялся составлені-

---

«Это прекрасное изложеніе смиренія, предложилъ мнѣ Владыка вставить въ мои письма: о спасеніи міра Сыномъ Божіимъ, которыя я писалъ для одного молодого человѣка, тогда еще не твердаго въ вѣрѣ, не подозрѣвая, что онъ со временемъ займетъ очень значительную степень по управленію въ дѣлахъ церковныхъ» (Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 43 и № 49).

емъ книги полемической противъ Римлянъ, чтобы мы имѣли, что имъ отвѣчать на ихъ словопренія противъ Патріарха Фотія и въ пользу Флорентинскаго Собора. Тогда написалъ я мою Правду вселенской Церкви, которая была одобрена многими изъ первостепенныхъ Архіереевъ, особенно западныхъ епархій, и напечатана въ Синодальной типографіи. Дѣйствительно, она мнѣ стоила многихъ трудовъ, по множеству справокъ изъ Соборныхъ правилъ и Византійскихъ историковъ. Книга сія имѣла два изданія, и переведена на Греческій. За каждую изъ моихъ книгъ, подносимую Графомъ Государю, получалъ я Высочайшую благодарность, и сослался на это въ послѣдствіи, когда Графъ сталъ отклонять меня отъ дѣлъ церковныхъ, какъ человѣка безполезнаго.

Время присоединенія Уніи, какъ я уже сказалъ, было самое блистательное для нашей Церкви, ибо тогда еще все оставалось въ первобытномъ порядкѣ, не смотря на возраставшее вліяніе графа Протасова. Св. Синодъ былъ въ полномъ составѣ. Четыре Митрополита, чего никогда не случалось ни прежде, ни послѣ, съ двумя Архіепископами и съ двумя

Протопресвитерами въ немъ засѣдали, когда Литовскій Архіепископъ Іосифъ предсталъ въ сіе священное собраніе для возвѣщенія единства и когда Архіепископъ Ѳаворскій читалъ привѣтственное слово отъ Патріарха Іерусалимскаго, при поднесеніи въ даръ отъ него мощей Апостола Первозваннаго.

Вскорѣ послѣ произошла перемѣна, которая обратила вліяніе Оберъ-Прокурора въ Министерскую власть, хотя и безъ громкаго сего имени, чрезъ уничтоженіе Коммиссіи духовныхъ училищъ.[44] Справедливо, что это была странная инстанція, состоявшая изъ тѣхъ же членовъ съ присовокупленіемъ свѣтскихъ, которая сообщалась отношеніями въ Синодъ, и нужно было ее уничтожить для большаго единства; но не было никакой надобности распространять управленіе Оберъ-Прокурора, сдѣлать изъ его малой канцеляріи огромный штатъ и притомъ устроить два управленія весьма обширныхъ, Хозяйственное при Синодѣ и Духовно-учебное на мѣсто бывшей Коммиссіи, которому подчинились всѣ духовныя училища, съ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ

[44] Коммиссія Духовныхъ училищъ прекратила свое существованіе въ мартѣ 1839 г. (послѣдній ея журналъ отъ 23 марта).

Синодальныхъ правъ. Графъ увѣрялъ меня, когда произошла сія перемѣна, что онъ всячески отстаивалъ права церковныя и отказывался отъ всякой власти; но послѣдствія не оправдали словъ его.

При этой перемѣнѣ случилась мнѣ большая непріятность. Я нечаянно узналъ, что Графъ назначилъ меня Директоромъ Хозяйственнаго управленія, и хотя это было весьма лестно и выгодно, по окладу жалованья 12000 рублей, однако, не чувствуя себя способнымъ къ занятіямъ сего мѣста, я заблаговременно пришелъ отъ него отказаться. Графъ разгнѣвался, спрашивалъ, какъ я о томъ узналъ, и грозилъ отдать меня подъ судъ за то, что отказываюсь; но я сказалъ ему, что гораздо лучше быть судиму прежде за такой искренній поступокъ, нежели позже за растрату церковнаго имущества, по неумѣнію управлять имъ. Съ тѣхъ поръ возникла между нами еще большая холодность; къ тому же онъ подозрѣвалъ меня въ тайномъ ему противодѣйствіи и въ единомыслiи съ Архіереями, особенно съ тѣмъ, въ которомъ онъ думалъ видѣть на Руси мнимую главу протестанства, ибо такая это была его химера.

Тутъ посѣтило меня и домашнее горе: здоровье батюшки совершенно растроилось. Я поѣхалъ къ нему весною 1840 года и остался съ нимъ до половины лѣта на Бутырскомъ хуторѣ подъ Москвой, но видя, что онъ оправился, имѣлъ неосторожность возвратиться въ Петербургъ, чего никакъ не могу себѣ простить. Я надѣялся осенью опять его увидѣть, но чрезъ три недѣли получилъ извѣстіе, что ему сдѣлалось хуже, и прежде, нежели успѣлъ собраться въ путь, ибо не такъ легки тогда были сообщенія, пришла другая горькая вѣсть—о кончинѣ батюшки[45]. Это всегда останется тяжкимъ упрекомъ на моей совѣсти.

Зимою произошло важное событіе въ Синодѣ.—Ректоръ Виѳанскій Агаѳангелъ[46] написалъ три безъимянныя письма тремъ Митрополитамъ,[47] что онъ открылъ у своихъ студентовъ литографированный переводъ

---

[45] Вѣсть о кончинѣ Николая Николаевича Муравьева дошла до Андрея Николаевича въ трогательномъ письмѣ Митрополита Московскаго Филарета отъ 23 Августа 1840 г. (Письма .. № 64 и 65).

[46] Іеромонахъ Агаѳангелъ (Соловьевъ), вскорѣ—Епископъ Винницкій, впослѣдствіи Архіепископъ Волынскій.

[47] Весною 1842 г. См. подробнѣе въ книгѣ «Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М.» № 81 и 84.

Пророчествъ, сдѣланный съ Еврейскаго бывшимъ духовникомъ Наслѣдника Протоіереемъ Павскимъ въ протестантскомъ духѣ. Всѣ три письма представлены были Оберъ-Прокурору, и Владыка Московскій тогда же предварилъ меня, что будетъ бѣда.—Графъ испугался, узнавъ, что литографія производилась въ Духовной Академіи Петербургской, которую онъ только что принялъ подъ свое вѣдѣніе отъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, и ему желательно было все опрокинуть на Московскую. Онъ воспользовался простодушіемъ Кіевскаго Митрополита и убѣдилъ подать отъ себя предложеніе, чтобы назначено было строжайшее изслѣдованіе по сему дѣлу въ трехъ мѣстахъ—въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ, а Владыка Новгородскій Серафимъ, уже совершенно одряхлѣвшій, написалъ письмо Графу, которымъ просилъ его вступиться за православіе. Вскорѣ послѣдовало новое предложеніе Графа Синоду о найденныхъ будто-бы въ Московской Академіи 5000 экземпляровъ, уже не литографированныхъ, а печатныхъ, съ другаго будто-бы перевода Библіи, еще худшаго; онъ настаивалъ, чтобы Синодъ доложилъ о томъ Государю. Напрасно Митрополитъ Мо-

сковскій увѣрялъ, что это клевета, и просилъ только двѣ недѣли срока для ея обличенія; никто не поддержалъ его, и ложное сіе донесеніе было доведено до Государя, а Графу только и надобно было отклонить отъ себя на первую минуту нареканіе въ невнимательномъ наблюденіи за Академіей.

Когда же въ послѣдствіи ничего не открылось, кромѣ того, что было литографировано въ Петербургѣ, и послѣдовала Высочайшая благодарность не Кіевскому за его ревность, какъ онъ сего ожидалъ, а одному только Митрополиту Серафиму, довѣрившему Графу блюсти православіе,—тогда разгадали, къ чему клонилось все сіе громкое изслѣдованіе. Поскорбѣлъ Кіевскій, хотя и поздно, что допустилъ на собрата своего несправедливое нареканіе, и сталъ проситься въ свою епархію: его отпустили невозвратно. То же сдѣлали и съ Владыкой Московскимъ, который былъ очень доволенъ, что могъ наконецъ успокоиться у себя въ Москвѣ. А между тѣмъ, управленіемъ овладѣлъ Графъ, не имѣя никого, кто бы могъ ему противудѣйствовать, потому что добрый старецъ Владыка Серафимъ впалъ въ совершенное дѣтство, и обольщаемый

громкимъ словомъ православія, все предоставилъ Графу, а прочіе члены были безгласны; тогда началась для Синода та печальная эпоха преобладанія свѣтскаго, изъ которой доселѣ еще не можетъ выдти.

Послѣ удаленія двухъ Митрополитовъ въ маѣ 1842 года, горько мнѣ было оставаться въ Синодѣ; однако я еще протянулъ годъ, не имѣя возможности никуда выдти, ибо назначенъ былъ тутъ по Высочайшему повелѣнію, хотя Графъ весьма желалъ моего удаленія и со мной уже не говорилъ.

Лѣто провелъ я въ Новой Деревнѣ и оканчивалъ Священную исторію Ветхаго Завѣта, едва ли не самую полную изъ всѣхъ, ибо я въ ней представилъ всѣ образы и пророчества о Христѣ. Но немногимъ извѣстна эта книга. Новозавѣтной исторіи не совѣтовалъ мнѣ писать Митрополитъ Кіевскій, говоря, что достаточно Евангелія, а я не могъ ему прекословить, и спѣшилъ только напечатать, опасаясь какихъ-либо препонъ[48]. Наступила зима, самая непріятная, по моимъ отношеніямъ къ Графу; чтобы выдти изъ нихъ, сталъ я

[48] См. Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 68, 69, 72—81.

къ веснѣ проситься за границу; Графъ не соглашался, подъ предлогомъ, что нельзя служащему въ Синодѣ ѣхать въ чужіе края, и требовалъ, чтобы я опять перешелъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ я продолжалъ числиться; я предоставилъ ему о томъ хлопотать, не желая самъ дѣйствовать противъ себя. Наконецъ, онъ прямо сталъ требовать моей отставки и прислалъ готовое прошеніе; но я его не подписалъ, а написалъ ему только письмо, въ которомъ просилъ себѣ по нездоровью увольненія отъ Синодальныхъ дѣлъ и, благодаря Графа за все, что онъ для меня сдѣлалъ, выписывалъ его лестныя обо мнѣ выраженія изъ собственнаго его доклада, при представленіи моемъ въ камергеры [49].

---

[49] Письмо это, относящееся къ іюню 1842 года, было послано А. Н. Муравьевымъ Графу Протасову съ приложеніемъ копіи письма къ Князю А. Н. Голицыну, писаннаго Андреемъ Николаевичемъ въ апрѣлѣ 1833 г. по поводу назначенія за Оберъ-Прокурорскій столъ. Въ письмѣ къ Графу Протасову А. Н. говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я старался въ теченіи сихъ девяти лѣтъ (т. е 1833—1842 г.) употребить, по крайней мѣрѣ, на пользу тѣ слабыя дарованія, которыми благословилъ меня Богъ, и находясь при источникѣ просвѣщенія духовнаго, сообщать моимъ соотечественникамъ тѣ историческія и догматическія свѣдѣнія о Церкви Православной, какія я ближе могъ изслѣдовать по мѣсту моего слу-

Графъ послалъ спросить меня, гдѣ я могъ списать докладъ.—Я отвѣчалъ, что онъ самъ мнѣ далъ съ него копію, чтобы оградить меня отъ Нечаева. Этотъ отвѣтъ и мое письмо связали Графа; онъ старался отъ меня отдѣлаться поосторожнѣе и, вѣроятно, сказалъ только Государю, что я для него безполезенъ, потому что немного времени спустя, когда, по моей просьбѣ, ожидалъ я отпуска въ Москву, вышло мое перечисленіе въ Министерство; все окончилось весьма благополучно, свыше моихъ ожиданій. Я жилъ тогда на дачѣ у Челищевыхъ, на Каменномъ острову, и однажды въ смутную минуту снялъ со стѣны

женія,—и постепенно издалъ въ свѣтъ: Письма о богослуженіи, Изложеніе Символа Вѣры, Исторію Россійской Церкви, Первые четыре вѣка Христіанства, Правду Вселенской Церкви о Римской каѳедрѣ и наконецъ Священную Исторію, изъ коихъ двѣ, Изложеніе Символа и Исторія Россійской Церкви, приняты были, по благосклонному вниманію Вашего Сіятельства и Первенствующаго члена Св. Синода, во всеобщее употребленіе училищъ духовныхъ и свѣтскихъ. Я поощряемъ былъ къ сего рода занятіямъ Всемилостивѣйшимъ благодареніемъ, которое удостоился получить чрезъ Ваше Сіятельство, при поднесеніи каждой изъ моихъ книгъ Государю Императору, и утѣшительнымъ для меня свидѣтельствомъ Монаршаго благоволенія сохранится званіе камергера, которое получилъ я, по ходатайству Вашего Сіятельства «за мою пламенную ревность къ Престолу и Церкви», какъ Вы сами изволили милостиво обо мнѣ выразиться въ своемъ докладѣ».

почернѣвшій образокъ, чтобы узнать, подъ чьимъ я покровомъ.—Оказалось, что это была икона Богоматери—Умягченія злыхъ сердецъ; я отслужилъ ей молебенъ, и все устроилось само собою; икона сія въ окладѣ и до сихъ поръ у меня. Такъ какъ это былъ Петровъ постъ, то я началъ.... что въ семъ дѣлѣ могло.... Неожиданно получилъ я увольненіе, чему я очень обрадовался.

С. Петербургъ, 18 Ноября 1858 г.

Между тѣмъ горизонтъ политическій становился все мрачнѣе и мрачнѣе; еще осенью 1853 года, когда служилъ Владыка первый молебенъ о войнѣ и я говорилъ ему о моихъ надеждахъ для Востока, онъ отвѣчалъ: «не радуйтесь; тутъ ничего не произойдетъ хорошаго»; и отпуская меня изъ Москвы, сказалъ мнѣ странное и вмѣстѣ прозорливое слово: онъ вынесъ малую финифтевую икону Предтечи, проповѣдующаго въ пустынѣ, съ изображеніемъ древа, при которомъ лежала сѣкира, сходно съ словами Предтечи, и сказалъ

мнѣ: «я всегда благословлялъ васъ въ путь какою-либо иконою; нынѣ же вотъ самая приличная по времени: «се уже сѣкира при древѣ лежитъ».—Послѣдствія показали истину его словъ и въ продолженіи войны, даже при радостныхъ вѣстяхъ, онъ все повторялъ: «худо будетъ».

Въ такихъ смутныхъ ожиданіяхъ протекло все лѣто 1854 года, и высадка въ Крымъ непріятеля показала, чего надобно было ожидать въ будущемъ. Странно, что въ этомъ случаѣ Митрополитъ яснѣе видѣлъ опытнаго военачальника. Ермоловъ, услышавъ о высадкѣ, говорилъ мнѣ: «теперь непріятель попалъ въ наши руки и погибнетъ»; а Владыка говорилъ: «если уже мы допустили непріятеля высадиться, то это значитъ, что намъ нечѣмъ съ нимъ воевать».—Начало 1855 года ознаменовалось для меня сперва смертію Графа Протасова, что произвело большой переворотъ въ дѣлахъ церковныхъ, а потомъ кончиною самого Государя. Помню, что при началѣ Тріоди постной, въ недѣлю Мытаря и Фарисея, былъ я у заутрени въ Симеоновской церкви, и только что начали пѣть: «покаянія отверзи ми двери», когда взошелъ

протоіерей, бывшій духовникомъ Графа, и сказалъ мнѣ: «знаете ли, кого мы лишились? Графа Протасова!»—Меня поразила эта вѣсть, и я поспѣшилъ къ нему на первую панихиду.

Замѣчательны обстоятельства его кончины. Онъ заболѣлъ въ Синодѣ въ самомъ присутствіи, въ день нареченія здѣшняго Викарія Епископа Іоанникія, который былъ уже сороковымъ, посвящавшимся при его 17-ти лѣтнемъ управленіи; слѣдственно, измѣнилась почти вся іерархія, кромѣ старцевъ. Графа привезли больнаго домой изъ Синода; онъ жилъ еще два дня, распорядился всѣми дѣлами домашними, назначилъ себѣ преемникомъ Карасевскаго и умеръ отъ аневризма, ночью, не успѣвши пріобщиться. Было въ немъ много желанія сдѣлать добра; но добра не сдѣлалось отъ самонадѣянности, ибо онъ хотѣлъ управлять церковью мимо Епископовъ. Въ день его кончины совершилось посвященіе Іоанникія. Карасевскій хотѣлъ, чтобы отложили церковное торжество; но Митрополитъ Никаноръ настоялъ, и никто изъ чиновниковъ свѣтскихъ не присутствовалъ ни въ церкви, ни на трапезѣ.—Графъ былъ очень любимъ обществомъ, и вся знать и

Царская фамилія съѣзжались на его панихиду.—Архіереи служили въ саккосахъ, что довольно странно; весь Синодъ отпѣвалъ его соборно и, конечно, ни одинъ Оберъ-Прокуроръ не былъ погребаемъ съ такою почестію; да и рѣдкіе изъ нихъ умирали на своихъ мѣстахъ.

На погребеніи Графа видѣлъ я въ послѣдній разъ Государя. Онъ командовалъ войсками, но не былъ въ церкви. Не прошло мѣсяца, и Его самого не стало! За пять дней до Его кончины, совершилось въ Казанскомъ Соборѣ, по обычаю, торжество Православія, и что же? Протодіаконъ, возглашавшій громогласно съ каѳедры сперва вѣчную память Императорамъ Греческимъ и Русскимъ, благодѣтельствовавшимъ Церкви, а потомъ многолѣтіе Царствующему Дому, сбился и внезапно возгласилъ вѣчную память Николаю Павловичу. Это всѣхъ поразило въ соборѣ, хотя еще никто не зналъ тогда о болѣзни Государя. А черезъ пять дней узнали о его кончинѣ. Какъ объяснить такіе странные случаи!

Весною 1855 года, получилъ я, наконецъ, разрѣшеніе Синода печатать Житія Святыхъ

Русскихъ и занялся въ теченіи поста изданіемъ первой книги Сентября, которая произвела весьма хорошее впечатлѣніе. Это побудило меня продолжать. Замѣчательно, что протоколъ Синода, разрѣшавшій печатаніе, былъ отмѣченъ двумя Оберъ-Прокурорами. Протасовъ успѣлъ только написать «читалъ»; а «исполнить» написалъ уже Карасевскій. Въ началѣ Мая переселился я въ Останкино и въ продолженіи цѣлаго лѣта ревностно занимался описаніемъ Житій Святыхъ и извлеченіемъ изъ Архива Сношеній нашихъ съ Востокомъ. Во все лѣто я только отлучался три раза въ Лавру и потому такъ много могъ написать. Конныя прогулки по живописнымъ окрестностямъ служили мнѣ дѣйствіемъ развлеченія.

Въ Сношеніяхъ съ Востокомъ, которыя хотѣлъ начать только со времени Романовыхъ, нашелъ я нужнымъ начать гораздо выше, съ паденія Царьграда, т. е. почти съ тѣхъ поръ, какъ они существуютъ въ нашемъ Архивѣ, и потому я пристально занялся самъ статейными списками, поручивъ чиновнику Калугину продолжать извлеченіе изъ дѣлъ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Въ Житіяхъ

же Святыхъ особенно драгоцѣнны были Сербскія, которыя почерпнулъ я изъ древней рукописи Лаврской, называемой «Серблякъ». Не хотѣлъ я оставить описанія жизни Ангела моего, Апостола Первозваннаго, и составилъ весьма полное и любопытное житіе его изъ трехъ источниковъ—старыхъ Славянскихъ Миней, хранящихся въ Патріаршей ризницѣ, изъ Греческой книжки, напечатанной съ Ватиканской рукописи, которую я нашелъ въ Лаврѣ, и изъ перевода Грузинской рукописи, найденной во время моего путешествія по Грузіи въ пустынной обители Давида Гаѓеджійскаго. Грузинское житіе сіе было переведено въ X вѣкѣ преподобнымъ Евфиміемъ Аѳонскимъ съ Греческаго подлинника VII вѣка, который только отчасти сохранился въ Ватиканскомъ манускриптѣ. Грузинская рукопись всѣхъ полнѣе, и Митрополитъ даже письменно поздравлялъ въ день моего Ангела съ такимъ полнымъ его жизнеописаніемъ.— Житіе Святителя Алексія помѣстилъ я въ Октябрѣ, потому что царствующая Императрица, которой я имѣлъ счастіе представиться въ Москвѣ, желала прочесть оное, и я поспѣшилъ составить житіе изъ рукопи-

сей Московскихъ. Одну изъ нихъ, о чудесахъ Святителя, нашелъ я въ Стрѣтенскомъ монастырѣ, хотя о ней ничего не было извѣстно ни въ Чудовѣ монастырѣ, ни самому Владыкѣ, настоятелю онаго.

Пріѣздъ Государя и всего Царскаго Дома въ Сентябрѣ мѣсяцѣ оживилъ нѣсколько Москву, послѣ всѣхъ грустныхъ впечатлѣній Севастополя. Лѣто протекло въ ожиданіяхъ и надеждахъ, какъ вдругъ, 30 Августа, получили извѣстіе о послѣднемъ приступѣ; столица погрузилась въ уныніе, не смотря на потѣшные огни по случаю тезоименитства Государя, и потому пріѣздъ Двора былъ очень кстати. Умилительна была, въ день Рождества Богоматери, прощальная обѣдня у Спаса за Золотою рѣшеткою, которую слушало все Царское семейство, по случаю отъѣзда Государя въ Крымъ. Это напоминало старыя времена Романовыхъ.

Извѣстіе о неудачномъ приступѣ къ Карсу погрузило всѣхъ въ уныніе не менѣе взятія Севастополя. Невѣстка моя, жена брата Николая, жила въ Сокольникахъ, и мы съ нею раздѣлили печаль о горькой вѣсти, которую она сперва утаила; Ермоловъ былъ въ ужасѣ.

Митрополитъ, прощаясь со мною осенью, отпустилъ съ такими же печальными предзнаменованіями, какъ и прежде; и дѣйствительно, зима была тяжкая.—Видно было разложеніе жизненныхъ силъ Россіи и стремленіе къ чему-то новому, неопредѣленному. Одно только было радостное событіе—это взятіе Карса, которое, можно сказать, было праздникомъ нашего семейства, ибо во Дворцѣ всѣ насъ поздравляли и на улицахъ, когда возили знамена, народъ кричалъ: «ура Муравьеву».—

Началась молва о мирѣ, самомъ постыдномъ, какой только Россія могла заключить, по унизительнымъ предложеніямъ Австріи; никто изъ благомыслящихъ не вѣрилъ, чтобы это совершилось.—Помню, что въ праздникъ Крещенія гласно говорили во Дворцѣ, что выгонятъ Австрійское посольство; а чрезъ нѣсколько дней объявленъ былъ миръ. Тогда почувствовалъ я, какъ люблю свое отечество, какъ-бы родное семейство: до такой степени сильно поразилъ меня его позоръ; съ тѣхъ поръ все стало клониться къ упадку. Больно было видѣть, какъ, позабывъ о нашемъ безчестіи, всѣ умы занялись только блескомъ будущей Коронаціи, какъ будто въ самую

блистательную эпоху для Россіи. Меня занимало только священнодѣйствіе Коронованія, и потому я желалъ присутствовать при ономъ въ церкви, не смотря на расходы, какіе повлекло за собою это торжество.

Издавъ въ свѣтъ Октябрь и Ноябрь Житій Святыхъ, я поѣхалъ весною въ Москву, и оттуда въ Нижній, имѣя намѣреніе спуститься по Волгѣ до Саратова; но это мнѣ не удалось, потому что не было пароходовъ; возвратясь въ Останкино, продолжалъ я заниматься моимъ литературнымъ дѣломъ и въ Архивѣ. Декабрь и Январь были плодами трудовъ сего лѣта, въ которыхъ опять замѣчательны были житія Святыхъ Сербскихъ: Стефана Деспота и Св. Саввы, а между Русскихъ пространное и умилительное житіе Святителя Филиппа.—Пріѣздъ Двора въ Москву и самое пребываніе его въ Останкинѣ не остановили моей дѣятельности; ибо я жилъ смиренно въ моемъ сельскомъ домикѣ, не принимая участія ни въ какихъ увеселеніяхъ, кромѣ торжествъ церковныхъ.—Такимъ образомъ, въ числѣ конныхъ камергеровъ, былъ я въ торжественномъ въѣздѣ въ столицу, который останется навсегда въ моей памяти,

и имѣлъ счастіе держать мантію Императрицы при Царскомъ вѣнчаніи. Зрѣлище сіе было такъ умилительно, что оно невольно извлекало слезы, и я почитаю себя счастливымъ, что могъ при немъ присутствовать.

На другой день, возвратясь въ мирное уединеніе Останкина, послѣ всего шума и блеска столицы, какіе видѣлъ наканунѣ, описалъ я отъ избытка чувствъ священное торжество Коронованія и поднесъ оное Императрицѣ. Потомъ я присутствовалъ только по службѣ при представленіяхъ, и не былъ ни на одномъ балѣ, ни придворномъ, ни посольскомъ, кромѣ какъ у добраго старца Князя Сергія Михайловича Голицына, котораго любилъ какъ отца. Я не понималъ, какъ можно веселиться при такомъ бѣдственномъ положеніи Россіи. Но что возмущало душу мою, еще болѣе нежели суетная веселость въ такія минуты, въ какія должно бы молиться, это были такъ-называемыя репетиціи Коронаціи, которыя нелѣпый Графъ Адлербергъ[50] позволялъ себѣ дѣлать не только во Дворцѣ, но и въ соборѣ. Старцевъ сановниковъ, съ пустыми

[50] Гр. Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ Министръ Императорскаго Двора.

подушками, какъ бы съ регаліями, водили торжественно изъ Дворца въ соборъ, чтобы каждый зналъ свое мѣсто при Коронаціи, и это въ присутствіи народа, который толпился на площади! Мало того, трехъ пажей, въ лицѣ Государя и Императрицъ, наряжали въ холстинныя мантіи, расписанныя подъ горностай, чтобы камергеры знали, какъ нести мантію. Пажей сажали сперва въ Оружейной полатѣ на настоящіе престолы Царскіе, потомъ на тѣ же престолы въ Грановитой полатѣ, куда они были перенесены, на Тронное мѣсто, и наконецъ въ самомъ Успенскомъ соборѣ подъ балдахиномъ на стулья, поставленные на Царскомъ амвонѣ. Съ этихъ мѣстъ подходили они къ Царскимъ вратамъ, какъ-бы для помазанія и причащенія, по распоряженію премудраго Графа; а столь же премудрые соборяне, чтобы наслаждаться симъ зрѣлищемъ, открыли Царскія врата и гурьбою оттуда смотрѣли. —Меня это взорвало, и я приказалъ закрыть врата. Говорилъ я о томъ Митрополиту, но онъ оставилъ это безъ вниманія. Въ послѣдній уже разъ, когда сажали пажей на самые престолы, поставленные въ Успенскомъ соборѣ, меня слава Богу не было, по-

тому что я представлялся Императрицѣ въ Останкинѣ.

Дѣла по Архиву не такъ успѣшно шли это лѣто, потому что всѣ заняты были приготовленіями къ Коронаціи; но я занялся другимъ изданіемъ, которое почиталъ необходимымъ. Такъ какъ Балабинъ[51], послѣ своего совращенія, не преставалъ писать ко мнѣ свои письма, думая меня увлечь, и я ему отвѣчалъ на эти письма, то мнѣ пришло на мысль издать ихъ на Французскомъ, присоединивъ и другія, которыя писалъ къ Баронессѣ Фридериксъ, по случаю обращенія ея изъ протестантства[52], и къ нѣкоторымъ западнымъ богословамъ въ обличеніе ихъ книгъ. Въ началѣ же всего поставилъ мое Слово каѳолическаго православія, уже переведенное и напечатанное въ Парижѣ, и далъ то же заглавіе моей книгѣ, какое имѣла тамъ Французская брошюра: «Question religieuse d'Orient et d'Occident.»

---

[51] Балабинъ, по примѣру Гагарина, отринувъ православіе, сдѣлался іезуитомъ; Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 328 и 329

[52] Баронесса Цецилія Фридериксъ, Статсъ-дама весьма приближенная къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, приняла православіе со всѣмъ своимъ семействомъ.

Я готовилъ мою книжку для иностранцевъ, которые должны были нахлынуть на Коронацію, и для Царской фамиліи, зная, что нѣкоторыя изъ Великихъ Княгинь поѣдутъ послѣ за границу, но книжка мнѣ пригодилась и противъ самого Нунція Папскаго.

Весьма замѣчательно мое столкновеніе въ Москвѣ съ Нунціемъ Папскимъ, который желалъ со мною познакомиться; насъ свелъ находившійся при его свитѣ камергеръ Папскій, который былъ воспитанъ въ домѣ Княгини Волконской[53] и съ нею вмѣстѣ перешелъ въ католицизмъ. Нунцій принялъ меня весьма ласково и говорилъ, что желалъ бы встрѣтиться съ Митрополитомъ;[54] я отвѣчалъ, что нѣтъ другаго средства, какъ посѣтить его, ибо въ обществѣ онъ не бываетъ. Послѣ многихъ переговоровъ и промедленій, Нунцій рѣшился сдѣлать ему первый визитъ, и Владыка тотчасъ ему заплатилъ оный, чѣмъ и кончилось ихъ знакомство.

---

53 Княгиня Зинаида Александровна Волконская, у которой А. Н. М. разбилъ статую Аполлона Белведерскаго, что вызвало эпиграмму Пушкина:

«Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ»..

54 Филаретомъ.

Нунцій намекалъ мнѣ, что ему желательно бы видѣть наши соборы, которыхъ древности святыней не всегда доступны иностранцамъ, по невниманію клириковъ, что онъ на себѣ испыталъ; то я предложилъ ему быть руководителемъ по соборамъ, испросивъ на то дозволеніе Владыки. Нунцій принятъ былъ съ честію, но ни онъ, ни его свита не оказали ни малѣйшаго благоговѣнія къ святынѣ, и даже позволили себѣ смотрѣть въ лорнетъ и щупать общую для всѣхъ христіанъ святыню: гвоздь, Ризу Господню, части Древа и части мощей Апостольскихъ, такъ что я велѣлъ закрыть раку.

При осмотрѣ теремовъ Царскихъ, присоединился къ намъ и камергеръ Папскій; по старому знакомству, я заявилъ ему, какъ неприлично вели себя въ соборѣ новые его единовѣрцы. Чрезъ нѣсколько дней, на большомъ фейерверкѣ, Нунцій сталъ со мною объясняться по сему предмету, оправдывая себя и другихъ, будто имъ нельзя молиться въ нашихъ церквахъ; но я ему замѣтилъ, что дѣло шло не о молитвѣ, и что если съ такими чувствами пріѣхалъ онъ въ Россію, то вмѣсто предполагаемаго мира, возбудитъ только вра-

жду. Тогда же я обѣщалъ послать ему мою книжку «Question religieuse», за которую, какъ слышно, онъ на меня весьма негодовалъ.

Между тѣмъ весьма важное церковное дѣло меня заботило, такъ какъ для Коронаціи должны были съѣхаться старшіе изъ нашихъ Архіереевъ и составить уже не Синодъ, а какъ бы соборъ, то я думалъ воспользоваться этимъ случаемъ и чрезъ Владыку Московскаго побудить ихъ заняться болѣе важными вопросами, нежели текущими дѣлами, которыми обыкновенно бываетъ обремененъ Синодъ. Добродушіе исправлявшаго должность Оберъ-Прокурора Карасевскаго[55] тому благопріятствовало. Много рухнуло моихъ надеждъ послѣ заключенія постыднаго мира. При началѣ войны я думалъ, что освобожденіе Церкви Греческой отъ ига Турецкаго сблизитъ насъ съ нею и противопоставитъ сильный оплотъ Риму, когда она отъ насъ заим-

---

[55] Александръ Ивановичъ Карасевскій, Директоръ Духовно-учебнаго Управленія, исправлялъ должность Оберъ-Прокурора Св. Синода краткое время между Гр. Протасовымъ и Гр. Толстымъ, скончался 25 декабря 1856 г, погребенъ М. Филаретомъ 28 декабря.

ствуетъ образованіе и безкорыстіе, а мы отъ нея—*соборное направленіе ея іерархіи безъ канцелярскихъ формъ, у насъ подавляющихъ свободный духъ Церкви.* Когда измѣнила эта надежда, я еще многаго ожидалъ отъ собранія нашихъ Архіереевъ, но и это кануло въ воду.

Еще съ весны предложилъ я Владыкѣ Московскому написать для него памятную записку о тѣхъ предметахъ, о которыхъ надобно было разсуждать на соборѣ. Онъ согласился, и я занялся составленіемъ сей записки во время пребыванія моего въ Нижнемъ; тамъ показалъ ее пріѣзжавшему въ Казань Архіепископу Григорію (нынѣшнему Митрополиту Новгородскому) и получилъ его одобреніе, равно какъ и самого Владыки. Что же изъ сего вышло? Вмѣсто того, чтобы предлагать, отъ своего имени, постепенно нѣкоторые изъ сихъ пунктовъ для общаго обсужденія, Митрополитъ сталъ посылать мою записку, всю сполна, первенствующимъ членамъ, опять Казанскому и Литовскому и Новгородскому, которые задержали ее у себя до конца засѣданій. Наканунѣ послѣдняго пріѣхалъ я къ Владыкѣ, засталъ у него преосвященнаго

Иннокентія и Кутневича[56] и едва могъ убѣдить предложить по крайней мѣрѣ вопросъ о переводѣ Священнаго Писанія и о благочиніи въ церквахъ, что онъ и сдѣлалъ; но вопросъ о переводѣ затянулся на долгое время, по случаю назначенія новаго Оберъ-Прокурора, добраго, но весьма ограниченнаго умомъ, Графа Толстого[57]. Митрополитъ неосторожно передалъ ему мою записку, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать своимъ лицомъ; а другой вопросъ о дисциплинѣ церковной, хотя и былъ принятъ хорошо и поручено было Митрополиту составить о немъ инструкцію для духовенства, но онъ до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ, занятый текущими дѣлами, которыя ставитъ выше соборныхъ[58].

Грустно было мнѣ такое разочарованіе и, признаюсь, съ тѣхъ поръ самъ охладѣлъ я къ дѣлу церковному, видя, что всѣ мои усилія остались тщетными и что уже не достанетъ

---

[56] Протоіерей Василій Ивановичъ Кутневичъ, съ 1832 г. Оберъ-священникъ Арміи и Флота, съ 1833 г. присутствовалъ въ Св. Синодѣ.

[57] Гр. Александръ Петровичъ Толстой, женатъ на княжнѣ Грузинской, Оберъ-Прокуроръ Св Синода съ 20 сентября 1856 г.

[58] См. Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 330 и 331.

моего вѣка для исправленія того, что я желалъ совершить; итакъ, рѣшился посвятить себя однимъ литературно-церковнымъ занятіямъ и докончить по крайней мѣрѣ Житія Святыхъ Русскихъ, которыя лежали на моей совѣсти. А какая блистательная и благопріятная минута утрачена была въ Москвѣ! и какъ больно было видѣть, что Митрополитъ, въ этомъ случаѣ, поступилъ такъ малодушно и непрозорливо, онъ, который умѣлъ себя держать такъ величественно во все время Коронаціи, что всѣ предъ нимъ благоговѣли, и Царская Фамилія, всѣ принцы иностранные и министры, его посѣщавшіе, и самые Архіереи, которые преклонялись предъ нимъ, какъ-бы предъ своимъ Патріархомъ; и онъ, дѣйствительно, по своему генію и высокой жизни, былъ какъ ихъ Патріархъ; но излишняя осторожность была всегда его болѣзнію и возбуждала всегда къ нему недовѣрчивость. Видно, такова судьба нашей Церкви!

Въ продолженіи зимы, издалъ я Житій Святыхъ Декабрь, Январь и Февраль, въ которыхъ опять замѣчательно Болгарское житіе Кирилла и Меѳодія, и еще написалъ Мартъ и Апрѣль; въ семъ послѣднемъ умилительно

житіе Апостола Перми Стефана. Но такъ какъ книжка Февраля и двѣ послѣдующія тоньше были предъидущихъ, то публика довольно странно начала роптать, отъ чего въ нихъ меньше заключается житій Святыхъ, какъ будто число и объемъ сихъ жизнеописаній отъ меня зависѣли. Все лѣто 1857 года я никуда не двигался изъ Останкина[59], кромѣ Лавры, и много подвинулъ дѣла архивныя, а изъ житій окончилъ Май и Іюнь; между тѣмъ я получилъ отъ бывшаго Патріарха Вселенскаго Константія благодарность за мою первую книжку «Question religieuse», со внушеніемъ продолжать; то я приготовилъ лѣтомъ еще двѣ книжки, частію составленныя изъ переводныхъ статей, частію изъ моихъ собственныхъ, въ числѣ коихъ былъ и отвѣтъ Г. Боре о Святыхъ мѣстахъ, предъ началомъ войны посланный къ нашему Посланнику въ Царьградъ, когда вопросъ сей былъ въ самомъ разгарѣ. Такимъ образомъ, къ зимѣ на 1858 годъ, скопилось у меня много книгъ для печати, а между тѣмъ я окончилъ и два по-

[59] Подмосковная Гр. Д. Н. Шереметева, въ которой жилъ въ 1856 и 1857 г. Государь Александръ II—и гдѣ А. Н. Муравьевъ пользовался гостепріимствомъ хозяина.

слѣдніе мѣсяца Іюль и Августъ, и благополучно довершилъ обширный трудъ сей.

Такъ какъ отношенія мои къ Графу Шереметеву перемѣнились, по случаю втораго его брака, то я уже не могъ провести слѣдующее лѣто въ Останкинѣ, да и въ продолженіи послѣдняго лѣта, которое я тамъ провелъ, непріятны были мои отношенія къ управляющему[60] Графа, и я предчувствовалъ, что мнѣ не придется болѣе тамъ жить. Но по крайней мѣрѣ я воспользовался временемъ, и уединеніе Останкина дало мнѣ возможность привести въ исполненіе два предпринятыхъ мною труда: Житія Святыхъ и по Архиву. Предстоявшее лѣто я хотѣлъ провести частію на Славянскихъ водахъ (Харьковской губерніи), частію въ Крыму, потому что мнѣ необходимо было морское купанье. Я торопился окончить къ веснѣ всѣ мои изданія, но не успѣлъ и долженъ былъ поручить печатаніе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ Сербиновичу, исправлявшему должность Оберъ-Прокурора Синода. Замѣчательно, что онъ, въ этомъ званіи, держалъ корректуру моей книги. Никогда столько

[60] котораго А. Н. М. называлъ «Сусликъ» по фамиліи его—Сусловъ. Это—отецъ Г-жи Эрисманъ, извѣстной женщины-врача.

книгъ не напечаталъ я въ теченіи одного года, какъ въ нынѣшнемъ 1858-мъ: шесть книгъ послѣднихъ мѣсяцевъ Житій Святыхъ, двѣ Французскія «Question religieuse» и третью, которую теперь печатаю, равно какъ и первую часть Сношеній съ Востокомъ[61], пока послѣдующія еще въ Синодальной и Министерской Цензурѣ.

Въ послѣдней Французской книжкѣ «Question religieuse» любопытна статья о исповѣданіи діакона Пальмера, которою обличается его колебаніе между тремя Церквами и необдуманный переходъ въ Римскую. Письмо къ магометанину, ищущему истины, вызвано было по странному случаю; я встрѣтился у Потемкиной съ Турецкимъ Посланникомъ Риза-Беемъ, о которомъ уже около года слышалъ, что онъ склоненъ къ Христіанству. Посланникъ обратился ко мнѣ и просилъ наставить его въ истинѣ Христіанства, говоря, что онъ давно ее ищетъ, но что его смущаютъ догматы о Воплощеніи и о Троицѣ и онъ не можетъ покорить имъ своего разума, а между тѣмъ западные, искавшіе его обра-

---

[61] Напечатана съ пропусками, ради цензурныхъ условій.

тить во Франціи, только и твердили ему: «вѣрь безъ разсужденія!»—Я пригласилъ его къ себѣ и мы имѣли нѣсколько совѣщаній, въ которыхъ, хотя онъ и упорно защищалъ Коранъ, но я доказалъ ему несправедливость ссылокъ Магомета на книги Моисея и Евангеліе; потомъ старался ему доказать необходимость Воплощенія Христова, по самому чувству нашего убожества, требующаго помощи свыше, и въ этомъ духѣ написалъ ему письмо. Не знаю, какой будетъ успѣхъ, ибо Посланникъ уѣзжаетъ въ Константинополь; но сѣмена уже брошены въ добрую почву и Господь въ свое время произраститъ благословенный плодъ, ибо слово человѣческое само по себѣ ничтожно для убѣжденія.

Весь этотъ годъ былъ весьма тревожный, по тѣмъ смутнымъ ожиданіямъ, въ которыхъ находилась и доселѣ еще находится Россія отъ возбужденнаго вопроса о свободѣ крестьянъ. Распущенность во всѣхъ вѣтвяхъ управленія не предзнаменуетъ добраго исхода, когда, между тѣмъ, всякій позволяетъ себѣ судить и рядить о правительствѣ; цензуры вовсе нѣтъ, и бранный голосъ изъ за границы[62]

[62] Разумѣется А. И Герценъ, издававшій «Колоколъ».

возбуждаетъ всѣ умы. При такомъ трудномъ положеніи дѣлъ, когда—наипаче въ дѣлахъ церковныхъ, отъ которыхъ зависитъ нравственное образованіе народа, слѣдовало бы ожидать усовершенствованія, все напротивъ того въ прежнемъ оцѣпенѣніи и тѣ же нелѣпые порядки въ Семинаріяхъ при воспитаніи юношества, а расколъ и пропаганда Римская не дремлютъ. Графъ Толстой явно показалъ свою неспособность и бездѣйственность въ такое трудное время, при всемъ своемъ благочестіи. Многіе уже назначали меня Оберъ-Прокуроромъ Синода; нѣкоторые даже при Дворѣ поздравляли, думая, что это для меня весьма лестно; но можно ли, при такихъ обстоятельствахъ, желать какого-либо начальственнаго мѣста, съ внутреннимъ убѣжденіемъ, что ничего нельзя сдѣлать?

Что сказать о моей послѣдней поѣздкѣ на Югъ Россіи?—Доктора присовѣтовали мнѣ отъ скорбутныхъ пятенъ Славянскія воды въ Харьковской губерніи, но онѣ не принесли мнѣ никакой пользы. Весною, при всей роскоши южной природы, провелъ я пріятно двѣ недѣли на Святыхъ горахъ и мѣсяцъ на ху-

торѣ Потемкиной[63] близь Славянска. Тамъ, чтобы не терять времени, я приводилъ въ порядокъ извлеченія изъ архивныхъ дѣлъ и написалъ двѣ Французскія статьи противъ ругательной книжки К. Трубецкаго на Россію и противъ Латинскаго исповѣданія Пальмера[64].

Я ожидалъ въ Славянскѣ Султана Казы-Гирея[65], который долженъ былъ выѣхать ко мнѣ съ Кавказа, но обстоятельства ему помѣшали; а теперь бѣдный убитъ горемъ, потому

---

63 Татьяна Борисовна Потемкина, родственная дому Грузинскихъ Царевичей, подарившая А. Н. Муравьеву золотое перо, съ надписью: «перо Муравьева». Лицо, близкое къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, занимавшее видное мѣсто въ Петербургскомъ обществѣ 60-хъ годовъ.

64 «Будучи въ Славянскѣ на водахъ, не принесшихъ мнѣ пользы, я написалъ два возраженія на Французскомъ языкѣ: одно противъ книги Князя Трубецкаго о Etudes religieuses et politiques sur la Russie, а другое противъ Латинскаго исповѣданія Пальмера, въ которомъ объяснялъ онъ свой переходъ въ Римскую Церковь» (Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 353, 356).

65 Здѣсь говорится о Султанѣ Черкесскомъ Казы-Гиреѣ, который командовалъ казачьей бригадой на Кавказской линіи. Про него м. пр. А. Н. Муравьевъ писалъ: «еще не будучи Христіаниномъ, онъ написалъ мнѣ весьма трогательное письмо о кончинѣ своей матери, спрашивая можно ли за нее молиться». Казы-Гирей принялъ во Св. крещеніи имя Андрея. Митрополитъ Филаретъ писалъ о семъ А. Н. Муравьеву (3 марта 1854 г.): «утѣшительно смотрѣть на него. Господь, уже дѣйствующій въ сердцѣ его, да совершитъ его новое рожденіе, и да возраститъ его, и да утвердитъ во спасеніи» (Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М., № 281, 290, 299).

что жена его скончалась. Въ началѣ Іюля поѣхалъ я въ Таганрогъ, чтобы оттуда ѣхать въ Крымъ, для морскихъ ваннъ.—Любопытно было для меня въ Таганрогѣ свиданіе съ 80-лѣтнимъ старцемъ, духовникомъ покойнаго Государя Александра Павловича: онъ живо разсказалъ мнѣ всѣ событія Царской кончины, съ тою старческою памятью, которая, пренебрегая настоящимъ, держится крѣпко прошедшаго. Это былъ живой эпизодъ давно минувшаго, вставленный въ новую раму современныхъ событій.

Неблагопріятно было для плаванія море Азовское по своему волненію, и я много страдалъ. Грустно поразила меня Керчь своими развалинами. Я помнилъ ее въ самомъ цвѣтущемъ видѣ, когда возвращался съ Кавказа; да и весь Крымъ навелъ на меня уныніе, по воспоминанію недавнихъ своихъ страданій. Несовсѣмъ удачно было мое путешествіе. Вышедши на берегъ Ялты, я ушибъ себѣ больную ногу и цѣлый мѣсяцъ не могъ купаться въ морѣ. Поѣздка въ перекладной на праздникъ Севастополя, по горамъ Крымскимъ, растравила мнѣ рану. Я спѣшилъ въ Севастополь, потому что тамъ, 15 Іюля, въ

день Св. Владиміра, предполагалось положить основаніе храму его въ Херсонисѣ; но ограничились крестнымъ ходомъ, потому что закладка была отложена.—Невыразимо горько было для меня впечатлѣніе еще дымящихся развалинъ Севастополя.—Я описалъ то, что чувствовалъ, по моемъ возвращеніи на Южный берегъ. Тамъ водворился въ Симеисѣ[66] въ прекрасномъ имѣніи Мальцовыхъ, гдѣ имѣлъ всѣ удобства жизни; но сперва болѣзнь, а потомъ одиночество, наводили на меня уныніе. Тамъ занялся я продолженіемъ сихъ записокъ. Сосѣдство Алупки служило мнѣ нѣкоторымъ развлеченіемъ, ибо тамъ была церковь. Я описалъ великолѣпіе Алупки, равно какъ и развалины Севастополя.

Августъ мѣсяцъ принесъ мнѣ много пользы морскими ваннами и виноградомъ. Однако 1-го Сентября я былъ уже въ Одессѣ, воспользовавшись пароходомъ, на которомъ прибылъ Графъ Строгоновъ для провода Великихъ Князей. Изъ Одессы спѣшилъ я въ Кіевъ къ празднику Софійскаго собора Рождества Богоматери, имѣя на мысли осуще-

[66] Нынѣ принадлежитъ Николаю Сергѣевичу Мальцову, внуку Ивана Акимовича.

ствить давнее желаніе тамъ водвориться. Съ этою мыслію взошелъ я въ соборъ, въ минуту чтенія Евангелія, и подумалъ: что скажетъ мнѣ Евангеліе?—Я услышалъ сіи слова: «велія вѣра твоя, буди тебѣ, яко же хощеши», и внутренно себѣ сказалъ: «желаю водвориться въ Кіевѣ». На другой день послѣ праздника Софійскаго пошелъ я въ обитель Михайловскую, на акаѳистъ великомученицѣ Варварѣ, и оттуда поклониться въ храмъ Андрея Первозваннаго. Дорогою заходилъ во всѣ дворы, лежавшіе по гребню горы надъ Днѣпромъ, и ничего не могъ найти себѣ для жительства.

На обратномъ пути изъ церкви Первозваннаго, проходя мимо Десятинной, колебался я, зайти ли мнѣ въ нее поклониться гробу Св. Владиміра, потому что былъ очень утомленъ; однако рѣшился взойти, и когда поклонился гробницѣ, былъ приглашенъ священникомъ, котораго я тамъ сперва не замѣтилъ, къ древней иконѣ Николая Чудотворца. Священникъ сталъ мнѣ показывать всѣ древности своей церкви, и къ чрезвычайному моему удивленію, внезапно спросилъ, какъ-бы угадавъ тайную мою мысль: «отъ

чего я до сихъ поръ отлагаю мое намѣреніе поселиться у нихъ въ Кіевѣ?» (Вѣроятно, онъ видалъ меня прежде, но я его совсѣмъ не помнилъ, и это тѣмъ болѣе меня удивило, что я уже 8 лѣтъ не былъ въ Кіевѣ). Я отвѣчалъ священнику, что нѣтъ болѣе мѣстъ, ибо по новому устройству всѣ маленькіе дома сломаны; но онъ сказалъ, что укажетъ мнѣ мѣсто, и съ этимъ словомъ, заперевъ церковь, вывелъ меня изъ заднихъ воротъ ограды на пустырь, обнесенный валомъ.

Я былъ пораженъ необычайною красотою вида, который мнѣ открылся съ вершины вала, еще временъ Владиміровыхъ; весь нижній Кіевъ былъ у ногъ моихъ, со всѣми глубокими оврагами его предмѣстій, и далекое теченіе Днѣпра съ Вышгородомъ, селомъ Ольги; верстъ на 30 простиралась предъ моими глазами лѣсистая равнина Заднѣпровская. Удивленный чуднымъ зрѣлищемъ, спросилъ я священника: «чье это мѣсто и какъ оно сохранилось доселѣ не купленнымъ?»—«Это мѣсто Анненкова, отвѣчалъ онъ, который выстроилъ Десятинную церковь, и оно васъ ожидало».—Никто почти его не знаетъ, потому что было загорожено церковнымъ дво-

ромъ и безобразными кузницами, у спуска горы, противъ Андрея Первозваннаго.

Я просилъ священника послать за повѣреннымъ Г. Анненкова и немедленно вступилъ съ нимъ въ сношеніе о продажѣ мнѣ сего участка. Еще до сихъ поръ мы не сошлись въ цѣнѣ, потому что владѣлецъ сталъ дорожиться, узнавъ, что я желаю его пріобрѣсти; но я надѣюсь это устроить; а между тѣмъ, возвратясь въ Петербургъ, я испросилъ себѣ у Государя Императора денежное пособіе на пріобрѣтеніе сей земли[67]. Господь да устроитъ все къ лучшему; мнѣ же кажется, что благоразумно и благовременно имѣть подъ старость клочекъ земли, гдѣ-бы можно было провести въ мирѣ, далеко отъ шумнаго свѣта, послѣдніе годы жизни, подъ сѣнію святыни Кіевской и своего Ангела[68].

---

[67] Государь пожаловалъ А. Н. Муравьеву 5000 рублей, для пріобрѣтенія усадьбы въ Кіевѣ (Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 355).

[68] Мѣстность эта, воспѣтая поэтомъ Ѳ. И. Тютчевымъ, къ сожалѣнію, остается въ частныхъ рукахъ, а не является государственнымъ достояніемъ, какъ того заслуживаетъ историческая мѣстность нашего Капитолія.

Библиотека ОСН Академии Наук СССР